

Виктор Мишин

ВОЗРАСТ — ПРЕИМУЩЕСТВО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Сергеевич Мишин

Возраст – преимущество

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69688471

Возраст – преимущество: роман / Виктор Мишин: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-159151-9

Аннотация

Паренек из Кобрина, а точнее находящийся в его теле половец из будущего Захар Горчак, выжил в страшной схватке с гитлеровцами. Его подобрала и спасла партизаны из легендарного отряда «Победители». Поправившись, Захар влился в отряд и благодаря стечению обстоятельств вновь попал во вражеский тыл. Под чужим именем и с новой легендой мальчишке удастся ловко обманывать врага, заманивая в ловушки целые подразделения гитлеровцев. Судьба сводит Захара с легендарным разведчиком-диверсантом Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Виктор Мишин

Возраст – преимущество

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 249

Ленинград ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Виктор Мишин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

– Эх ты ж, мальчонка совсем...

На краю сознания слышу голоса, ничего не понимаю, но русскую речь распознал сразу. Пытаюсь сказать хоть что-то, но не слышу, получается или нет, кажется, я даже рот открыть не могу. Темнота сгущается надо мной, судорога режет тело и больше ничего. Тишина.

– Матвеич, он что, живой? Куда ты его тащишь?

– Да наш он, тебе говорю, наш! Отнесу в отряд, вдруг оклемается!

Разговор двух обросших мужиков на островке посреди болота. С обоих стекала вода и грязь, оба были усталыми, но один упорно пытался привести в чувство найденного на

островке мальчишку.

– Не знаю, донесем ли, – покачал головой второй мужчина. Низкого роста, с бородой клочками и кудрявыми, невымытыми волосами. Лицо его разглядеть было сложно, еще бы, партизаны в лесу живут, зачем им бриться, да и некогда, в общем-то.

– Донесу. Слышал, что девочка сказала? Он нужный человек, сержант, инструктор. Ты когда-нибудь видел инструктора такого возраста? Надо его выносить, надо. – Мужчина, который бережно поднял мальчишку на руки, выглядел почти копией своего товарища, разница была только в росте, этот был заметно выше.

– Чудно как-то, мальчишка и инструктор? Странно все это.

– А что странного? Если он в таком возрасте умеет больше, чем многие в сорок лет, то его нельзя инструктором сделать?

– Ты сам-то, Матвеич, веришь в такое?

– Верю. Видел уже за два года разных мальчишек. И у немцев, и у наших. Немцы, говорят, готовят таких волчат, похлеще взрослых, потому как и делают мальчишки много. В любом случае в отряд надо, радио дадим, а вдруг его ищут?

– Ладно, давай винтовку, понесу, а с ним уж ты сам.

– Давай, – заключил тот, которого звали Матвеичем.

Путь был очень тяжелым, здешние леса серьезно затрудняли движение, но в этом был и большой плюс, самих пар-

тизан так же сложно найти, иначе немцы бы уже всех истребили. Мальчишка никак не приходил в себя, хоть раны ему и перевязали, но лучше не становилось. Правда, хуже тоже, дышал он вполне ровно, но был все время без сознания. Все партизаны могли предположить, но то, что инструктором мальчишка окажется... Впрочем, в этих лесах кого уже только не было за годы войны. С Большой земли постоянно присылают разные отряды, кто-то оседает в лесах, кого-то убивают на задании, а некоторые вынуждены уходить далеко, уводя за собой преследователей. Недавно только группа была, ух и сильные в ней ребята, сколько они в Ровно находились, пытаясь задание выполнить, а никак не удавалось. Но вот и на них облава состоялась, где-то все же ошиблись, пришлось уходить. Тут ведь в этих лесах не только немцы рыскают, это было бы полбеды. Местных здесь много, тех, кому советская власть поперек горла стоит. Украинские националисты, ОУН какая-то, бульбовцы. Матвеич слышал, как комиссар объяснял, кто это такие и откуда взялись, но не запомнил, плевать ему на них было. Вражина, он и есть вражина, чего ему думать о том, кто они, да кто создал их отряды. Убивать их всех надо, тварей. Они деревни вырезают под корень, никого не щадят, так неужто ему, коренному белорусу, думать об этом дерьме?

Дойти до группы, которая двигалась на север, а вовсе не сидела на месте, хлопотное занятие, не догнать. Матвеич переживал сейчас только за пацана, сами-то с Семеном дей-

дут, места-то знакомые, сколько тут раз хожено, не упомнить даже. А вот мальчонку жалко, экий справный воин растет, один против целой группы немцев остался и всех положил, диковина просто.

– Матвейч, тут недалеко хутор был... – второй партизан, который носил имя Семен, остановился.

– Знаю, но с прошлой осени там не был. Дед как умер, теперь и не знаю, жинка-то его там или ушла?

– Может, навестим? Парню-то, поди-ка, операцию делать надо, смотри сколько крови потерял!

– Давай, все одно ничем уже не рискуем, а мальчонке хреново, дышать что-то прерывисто начал. Пойдем, поворачивай на восток, скоро тропка появится, ежели не заросла совсем. Успеем, пацан будет жить.

Два товарища, бывалых партизана, пробираясь сквозь заросли ольхи и рябины, устремились на восток. Только в темноте они достигли своей цели. Хутор в лесу имел упаднический вид и в первую минуту друзья уж было поникли. Но подойдя ближе, обнаружили в одном крохотном оконце тусклый свет свечи.

– Есть все же кто-то, но надо осторожно. Давай, Семен, посмотри там, я тут посижу.

Семен ушел к дому, тихо и быстро пробежав от плетня, присел под стеной хаты. Матвейч не видел его, темно уже, но яростно вглядывался в нужном направлении. Мальчишка, лежавший на траве, дышал все тяжелее, изо рта то и дело

появлялись капельки слюны с кровью. Матвейчу, потерявшему всю семью разом еще в июне сорок первого, становилось тревожно. Он и сам не понимал, почему мальчик так запал ему в душу, но хотел во что бы то ни стало помочь ему.

– Матвейч, там суки эти, оуновцы! – прибежал, наконец, Семен.

– Вот же гадство, вышли, твою мать! – выругался от души, но шепотом Матвейч.

– Тише ты, – шикнул на него Семен. – Пьяные, хозяйка там, гоняют ее, все самогон просят.

– Много?

– Видел четверых, на дверях никого, ничего не боятся, суки.

– А чего им бояться? До ближайшей деревни сорок верст по лесам! Как они вообще тут оказались?

– Хрен их знает, чего делать-то будем?

– Автомат немецкий в порядке? – вдруг спросил Матвейч.

– Не стрелял, но вроде да, – кивнул Семен.

– Давай мне, сам пойду!

– Вместе сделаем, вдвоем-то явно легче будет!

И друзья пошли к дому. Подойдя, тихо открыли дверь и в сенях наткнулись на хозяйку. Та успела только рот открыть, когда его ей зажали ладонью. Женщина была крупная, лет под шестьдесят, такая, если захочет, то сама кому угодно и рот заткнет, и голову открутит.

– Капа, это я, Матвейч, помнишь меня? Я с твоим мужем

пасеку вам помогал делать в сорок первом.

Женщина часто-часто закивала.

– Эти твари в доме?

Женщина кивнула.

– Четверо?

Женщина кивнула отрицательно.

– Я отниму руку, только не кричи!

Женщина вновь кивнула, давая знать, что поняла.

– Шестеро их, двое спят, ранетые. Четверо пьют, послали за пойлом, а у меня только на леднике осталось. Вот и пошла.

– Точно на улице их больше нет?

– Нету, вчерась заявили, приказали лечить ранетых, командеры ихние, а сами пить начали. Шли издалека, все в грязи и усталые.

– Двигай на улицу, в дом не суйся, пока не позовем.

– Оружия у них много, осторожно, Ваня.

Матвейч уже не помнил, когда его называли по имени.

Привык к отчеству, от того даже вздрогнул.

Боя не было, так уж повезло партизанам, напасть в удобный момент. Двое пьяных оуновцев спали, уронив головы на стол, а оставшиеся двое еще пытались пить. Несколько коротких очередей из немецкого автомата, два или три выстрела из винтовки Матвейча, и наступила тишина.

– Капа! Иди сюда, все кончилось, – позвал Матвейч хозяйку хутора.

– Ой, трупаков-то сколько наделали, куда их тепереча?

– Оттащим сейчас к болоту, там быстро утопнут.

– Так далеко же? – И правда, до лесного болота путь был неблизкий, километра три по прямой.

– У тебя животные не осталось?

– Да какое там, еще в прошлом году эти же все прибрали.

Почти год никого не было, а тут заявились. Что же, Ваня, война-то так и идет? Где же наши-то нынче? Сто лет никого не видела, а у этих ведь не спросишь!

– Начали давить помалу, скоро, Капа, скоро и до нас дойдут. Но без нашей помощи им труднее. Дело к тебе, Капочка, мальчонка у нас, раненый весь, ноги, спина, может еще куда, весь в крови.

– Так что же стоишь-то, дурак старый, тащи скорее! С этими и утром разберешься, выкинуть бы их только из хаты, провоняли все.

Вдвоем партизаны по очереди вынесли всех убитых оуновцев и побросали их за околицей. И правда, необходимости тащить их на болото пока нет, до утра ничего не случится.

– Фу, успели, живой вроде! – послушал дыхание у мальчишки Матвеич и решительно поднял его с земли.

– Давай помогу, чего все один таскаешь.

Семен подхватил за ноги, и вдвоем партизаны потащили легкого паренька к хате. На пороге уже встречала хозяйка.

– Капа, у тебя из твоей медицины что-то осталось еще? – спросил с надеждой в голосе Матвеич.

– Лекарств нет давно, зимой двое лечились, все извела на них, а больше никто не приносил. Вы где-то пропали, забыли меня. Думала, совсем сгинули.

– Не забыли, Капочка, не забыли, – погладил женщину по плечу Матвейч, – сама знаешь, чем мы заняты, сегодня здесь, а завтра хрен знает где.

– Что за мальчуган-то? – спросила хозяйка, помогая раздевать раненого.

– Точно не знаем пока, до отряда дойдем, попробуем по радио связаться, узнать что-нибудь. Девчонка на нас вышла, рассказала, что их отряд гауляйтера уничтожил. А парнишка этот вроде как за старшего у них. Отряд весь погиб, остались одна девица и вот он.

– Неужели эту скотину, наконец, смогли убить?

– Не знаем пока, не видели никого, сами с задания возвращались, эшелон у немца под откос пустили.

– Так, ладно, нагрейте воды мне, срочно, в комоде простынь распустите на бинты, быстрее, мужички!

И женщина начала колдовать над раненым. Не дождав-шись теплой воды, принесла той, что была на кухне, не ледяная и ладно. Обмывая тело, женщина то и дело удивлялась, и глаза ее расширялись.

– Господи боже, да кто ж его так? Мальчишка ведь со-всем! – причитала женщина.

Подоспела и вода. Срезав бинты со спины, что наложи-ли партизаны, женщина принялась промывать рану, из нее

вновь пошла кровь.

– Матвейч, поддержи! – она вставила расширитель в рану и передала его партизану. Сама же начала копать в ране, и вскоре на пол упала пуля. – Тут нормально, кости я, конечно, проверять не стану, сейчас обработаю и будем ногами заниматься. Если бы артерию перебили, уже бы помер, значит, и там, скорее всего, не тяжелое.

– Твоими бы устами, Капа, да мед хлебать! – пробасил Матвейч и зажмурился. – Держись, сынок, держись, – наклонившись к парнишке, прошептал партизан.

С ногами ковырялись дольше, одна была прострелена на вылет, а вот во второй пуля засела под сустав и пришлось долго ковырять, чтобы подцепить ее. Мало просто вытащить пулю, нужно ничего попутно не порвать.

– Трудная работа у хирургов, ох и трудная, – выдохнул Семен, закуривая «козью ножку» на крыльце, куда их выгнала Капа, закончив операцию.

– Не говори, помогал пару раз уже, посмотрелся, даже просто глядеть и то тошно, а уж копать там...

– Бр-р-р, – подытожил Семен. – Уж лучше насмерть, чем вот так.

Через полчаса хозяйка хутора вышла на улицу, попросила полить ей на руки воды и, умывшись, позвала партизан в дом.

– Так, ребята, дело мы сделали, но хрен их знает, этих бандеровцев, откуда они сюда пришли и зачем. Парня я спрячу,

вы знаете, у меня, если только с собакой будут, смогут отыскать, и то не быстро. Но вы с утра, как закончите с этими подонками, дуйте в отряд. Если парень и правда тот, каким его описала ваша деваха, за ним должны будут прислать людей и вывезти его отсюда. Сами понимаете, лекарства нужны, а где я их возьму?

– Ладно, Капочка, ты уж постарайся мальчика сберечь, знаю я про твои травушки-муравушки, поколдуй над ним, а мы уж постараемся все узнать, как можно быстрее.

Партизаны таскали трупы бандеровцев на волокуше, по трою зараз, устали как черти, а впереди еще долгая дорога в отряд. Вышли только после обеда, а уж когда доберутся, даже не представляли сами.

Парень не приходил в себя, и хозяйку хутора, в прошлом хорошего врача, это беспокоило. Женщина ухаживала за ним уже три дня, вспоминая все свои навыки и рецепты, доставшиеся по наследству от матери, а та была знатной травницей.

Вот уже больше года прошло, как Капитолина Георгиевна Колюжная схоронила своего любимого мужа, с которым прожила больше тридцати лет. Пять лет назад они оставили работу в больнице, муж был старше ее на десять лет, возраст давал о себе знать, и мужчина начал сильно болеть. Они уединились здесь, на лесном хуторе, посреди болот. Почему именно здесь? Кондратию Степановичу здесь понравилось, чувствовал он себя здесь хорошо, вот и остались. На хуто-

ре жили старик с женой, приютили, разрешили жить с ними и помогать по хозяйству, а через год друг за другом отдали Господу души. Так и остались здесь Капитолина с мужем одни-одинешеньки. Детей у них не было, Капитолина не могла их иметь после тяжелой болезни, которую перенесла в молодости, сразу после революции, оставалось одно в этой жизни: заботиться о любимом муже.

Три дня, меняя повязки, осматривая раны, женщина не находила себе места. От партизан новостей нет, мальчик не очнулся до сих пор, а она очень хотела его «поднять». Худой, но очень развитый парень, руки как стальные канаты, мышцы выпирают, словно их специально надувают, мальчик таил в себе загадку и тайну. И Капитолине очень хотелось ее разгадать. Кто же он такой? Почему совсем еще ребенок воюет? Почему он выглядит так, как будто родился спортсменом? Развит не по годам, уж сколько она видела и мальчишек, и мужиков. Столько вопросов, а ответов не было вообще, даже намеков.

На пятый день произошел наконец хоть какой-то сдвиг. В какую сторону, станет понятно позже, но то, что у мальчика снизилась температура, раны начинали принимать более здоровый цвет, радовало. Воспаления не было, но Капитолина этому как раз не была удивлена. Ее травки помогали, это она знала точно, не первый случай. Однажды к ним из леса вышел боец, как позже сам рассказал, неделю по болотам полз. У солдата в бедре находился огромный осколок мины,

и рана начинала гноиться. Капа вытащила железку, обработала рану и две недели прикладывала свои настои и втирала мази. Через месяц боец смог встать, а еще через неделю ушел. А попал бы таким в санбат, живо ногу бы отпилили, не спросили бы и как зовут, рана страшная была.

– Где я? – первые слова, вылетевшие из растрескавшихся губ мальчика, привели Капитолину в ступор. Неделя прошла, как она провела ему операцию, а он никак не приходил в себя. И вот сейчас, когда она услышала долгожданные слова, замкнулась сама.

В голове каша. Боль, кажется, везде, но какая-то спокойная, что ли. Темнота отступала, глаза открывать было больно, поэтому я даже не пытался. Как почувствовал боль, захотелось орать, даже не знаю и почему. Смог выдавить из себя два слова, хоть и рисковал, сказал-то на русском языке, и вновь куда-то провалился.

– Эй, парень, ты меня слышишь? – что-то горькое было на губах, хотелось вытереть их, но руки не слушались. Меня кто-то зовет, а кто, не знаю.

– Где я? – эти слова почему-то срывались с губ сами, я даже не думал над тем, чтобы что-то сказать.

– Ты в безопасном месте, успокойся, нервничать нельзя. Раны уже не кровоточат, заживать начали, скоро поправишься, – услышал я в ответ.

– Пить...

– Сейчас, вот, давай голову приподниму.

После этих слов мою многострадальную голову подняли, а к губам приложили что-то твердое и в рот потекла вода. Глоток, еще один, еще, жизнь стремительно начала возвращаться ко мне, но после третьего глотка сосуд с водой исчез.

– Пить... – повторил я, ворочая во рту сухим языком. Там просто помойка была сейчас, сухо и воняет, скорее всего.

– Больше пока нельзя, через полчаса повторим, – произнес женский голос.

Попытавшись наконец, открыть глаза, понял, что это будет больно. Убей не могу понять, почему так больно глазам, что случилось, где я наконец?

– Очень хочется... – Новые слова из лексикона не принесли удовлетворения, пить мне так больше и не дали.

– Потерпи, сынок, хоть чуть-чуть. Боюсь, что тебя вывернет наизнанку, если много выпьешь. Ты больше недели без сознания, не ел, не пил, понимаю, что плохо, но все же потерпи еще немного.

– Где же я все-таки? – Вопрос о месте моего нахождения волновал так же сильно, как и желание пить. А вот говорить, на удивление, я мог вполне свободно.

– На хуторе у меня, на болотах, – произнесла женщина.

– Ничего не понимаю. – Какие болота, какой хутор? Последнее, что я помню, как добил убегающего фрица и упал без чувств. Как я оказался здесь, где за мной вроде как ухаживают.

– Я тебе две пули вытащила, одна навывлет прошла, раны не тяжелые, но мало ли, надо в госпиталь. Дышать не трудно? – продолжила разговор женщина.

– Вроде нет, – задумался я, проверяя ощущения, – а должно быть?

– В спину попали, пуля неглубоко ушла, но могут быть ребра сломаны.

– Жжется только и ломит немного, ноги больше болят, особенно левая.

– В левой пуля и была, тут как раз наоборот, сидела плотно, пришлось поковыряться в тебе. Ну ничего, поправишься, я все переживала, что в себя не приходишь.

– А как я у вас оказался? – задал я насущный вопрос.

– Так партизаны тебя принесли, Ванька и Семен, они где-то неподалеку были.

– Ясно, что ничего не ясно. – Какие Ваньки и Семены, какие партизаны? Вроде тут не должно было их быть, откуда взялись?

– Знаю только с их же слов, девушка к ним вышла, просила помочь командиру, дескать, его немцы обложили, а он ее прикрывать остался.

– Вот теперь более доступно, – кивнул я. Значит, Анютка вышла на партизан и уговорила помочь, только запоздали они чуток, я вроде сам справился.

– Ты из Москвы, сынок? И как звать-то тебя?

– Захаром родители назвали, а уж откуда я... И сам не

знаю. Где только не был. Перед тем, как сюда забросить, был где-то под Москвой. Как группу подготовили, так сюда.

– Правда, что вы эту гниду фашистскую, гауляйтера убили?

– Это вам кто сказал? – встрепенулся я.

– Мужики, что тебя притащили. Девушка им рассказала.

– Правда, – посмурнел я. Не от того, что Анна все рассказала, а от воспоминаний, как погибла вся группа. Девчонки и парни, все до одного, кроме, собственно, нас с Анной. Но Анюта снайпер, она и была дальше всех, а вот я вновь утвердился в мысли, что кто-то наверху за мной приглядывает. Ведь близко был, на острие, так сказать, а уцелел. Опыт ли это, везение? Неважно, в общем, главное, задание выполнено, как бы еще вернуться...

– Ох и молодцы же вы, ребятки, партизаны сказали, никому не удавалось, а вы вот сделали!

– Только группу из-за этого козла всю положил, двух девчонок и трех парней, им только-только по восемнадцать было... – сказал я и прикусил язык. Блин, мне самому-то еще меньше, а рассказываю я, думая при этом, как прежний, сорокалетний мужик, которому, естественно, жаль молодых. По мне так вообще все это хрень собачья, ну грохнули мы его, пришлют нового, лучше бы поездов пару под откос пустили, все толку больше. Хотя понимаю, конечно, тут расчет на психологию, люди в оккупации должны знать, что советская власть есть и мстит за них.

– А сам-то! За что же тебя вообще в армию взяли, небось от мамки оторвали?

– Погибли у меня все, в первые дни войны. Один я остался...

– Ой, прости, милый, дуру грешную, не подумала ведь! – всплеснула руками хозяйка.

– Да ничего, привык давно, много чего с тех пор произошло, не захочешь, а забудешь.

И я рассказал ей о себе. О том, как убили родителей, о том, как попал в плен и все остальное. Капитолина Георгиевна только головой мотала из стороны в сторону, поражаясь и переживая. А мне уже было плевать на всю эту секретность, рассказал, как было, да и все. Она мне жизнь спасла, врать ей, что ли? Немцы допросят и узнают обо мне? Они и так знают, рыщут, наверное, с собаками.

– Вот же детство у вас, ребятишек, вышло...

– Что поделатъ, война идет, – пожал я плечами. – Скажите лучше, тетя Капа, эти гады оуновские к вам часто заходят?

– Да никого не было очень давно, а тут ввалились. Ваня с Семеном их постреляли.

– А оружие оставили? – спросил я о самом важном в данный момент.

– Да, заховали по углам, с собой-то не унести.

– Дайте мне пожалуйста хоть что-нибудь, а то заявятся, а я тут голый, – сделал я страдальческую мину.

– Там много всего было, тебе чего надо-то?

Чуть было не закричал – всё!

– Автоматы были? Пистолеты?

– Да хоть бомбы! – тетя Капа даже засмеялась.

– Не, я ж не самолет, бомбу не подниму, – засмеялся и я.

– Нет, Захар, не дам, – вдруг серьезно меня обломав, женщина встала и пошла прочь.

– Тетя Капа, почему? – обалдело крикнул я ей вслед.

– Так еще отбрехаться смогу, а найдут оружие, точно сожгут вместе с домом. И с тобой, конечно.

– Вот именно, мне к ним попадать нельзя.

– Я скажу, где лежат железки, но сюда не принесу, не про-
си.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. И как быть? А если эти упыри заявятся, вредная тетка сама их встретит? Что-то я в такое не верю.

Процесс восстановления проходил медленно, сначала долго заживала спина, не давала даже повернуться, а потом одна нога никак покоя не давала. В основном все время проходило в положении лежа, надоело так, аж жуть берет. Тетя Капа как истинный медработник, причем достаточно просвещенный, через день делала мне массаж на спине, ноги я уже сам разминал. Партизаны так и не вернулись, а времени прошло... Август на дворе. Оуновцы не появлялись, и я расслабился, но как оказалось, зря. Это случилось ночью, шел дождь, на улице как-то прохладно было, когда в дверь тре-

бовательно постучали, и тетя Капа побежала открывать. Я насторожился.

– Здорово, тетка, нам сказали, ты врачевать умеешь? – донесся сиплый голос.

– Ой, а у меня и лекарств-то нет совсем. Я больше травя-ми...

– Да насрать, чем ты тут лечишь! У нас командир ранен, давай, посмотри его!

– Ну, заносите в дом, только грязную одежду тут скидайте, нельзя раненым грязь, гнить начнет.

– Ты одна?

– Да мальчонка только у меня, дитя совсем, партизаны подстрелили, вот и лежит, тоже травками его пользую.

– Какой мальчишка, – мгновенно голос стал еще более требовательным, – где он?

– Так говорю же, в доме, лежащий он.

– Я сам сейчас посмотрю, какой он лежащий!

Послышались тяжелые шаги, тетя Капа, видимо, бежала сзади и причитала, что пришедшие ей грязи натащат, но ее, конечно, никто не слушал. Пипец, что-то сейчас будет.

– Ты кто? – уставился на меня мужик. Одет он был, как типичный бандеровец, ну или оуновец, мне по хрену на разницу между кучками говна. Старая польская форма, никаких шевронов или значков, грязная... Наверняка в болоте сидели, где еще так измажешься.

– Егор, – сделав испуганное лицо, пролепетал я.

– Откуда ты?

– Из Кобрина...

– Недалеко забрался, от Кобрина-то? – усмехнулся бандит.

– Далече, – кивнул я. – Мы с родней в Ровно шли, да попали к партизанам, – начал врать я, – еле ушел, остальные не знаю где, все в разные стороны прыснули, кто куда.

– Где бандитов советских встретили?

– Да откуда ж я, дяденька, знаю, я долго полз, там болото было, потом сюда попал.

– Москаль? – Ну понятно, он же со мной на русском говорит.

– Немец я, – решил врать по полной программе. – Война началась, нашу семью в тюрьму, как батька сказал, большевики боялись, что мы к немцам перебежим, вот и заперли. Немцы пришли, освободили, да дом к тому времени уже сгорел, жить негде было, пошли скитаться. Под Ровно тетка живет, к ней и шли.

– Куда ранили?

О, проверить решил? Ну я тебе сейчас отвечу. Этот хрен бандеровский, на немецком со мной заговорил. Но блин, на таком корявом...

– Что? – переспросил я на немецком, делая вид, что не понял.

– Куда тебя ранили? – нетерпеливо повторил вопрос бандит.

– А, – кивнул я головой, – в спину, да ноги еще.

– И как же ты дошел?

– Я и не шел, полз всю дорогу.

– Я плохо понимаю на немецком, больно ты быстро говоришь, – бандит перешел вновь на русский.

– Простите, просто он мне родной практически. Я родился в Кобрине, но отец у меня немец, а мать из Кобрина. Были...

– Что, всех партизаны побили? – даже сочувствие в голосе услышал.

– Не знаю, разбрелись мы и потерялись, – я шмыгнул носом.

– Ну ладно, лечись, Егор. Будешь помогать нам? – прямо спросил бандеровец.

– А чем? Я ж не умею ничего...

– Стрелять не умеешь? Хочешь научу?

– Да я боюсь, как услышу, трясти начинает.

– Слабая нынче молодежь пошла, ох и слабая. Кто же твою землю от большевиков освободить будет?

– Может, когда вырасту... – попытался оправдаться я.

– Сколько тебе сейчас?

– Двенадцать.

– Ну да, так-то еще мал, годка через два будешь знатным хлопцем, а страх уйдет, поверь мне.

– Спасибо, – попытался поклониться я.

– Давай! У нас командира ранили сильно, как думаешь,

выходит его бабка?

– Не знаю, лекарств у нее нет, пью какие-то горькие настойки, аж обратно лезут, еле проглатываю.

– Плохо, что лекарств нет, но, если получится, пошлю людей из города. Больно уж далеко сюда переть.

Бандеровец вышел из комнаты, и я услышал их разговор с тетей Капой. Бандит сомневался, что они смогут дойти до своих, много раненых, командира вообще вон приходится оставлять тут, посреди леса. А идти-то очень далеко. Капитолина Георгиевна в свою очередь посетовала в который раз на отсутствие лекарств, но сказала, что сделает все, что сможет. По ее словам, командир бандеровцев ранен тяжело, в голову, неужели будет лечить?

– Тетя Капа, дай мне оружие! – когда бандеровцы ушли, я подскочил к хозяйке.

– Да ты что задумал-то? С ума сошел? Их там семеро, – запричитала Капитолина.

– Не могу смотреть, как эти падлы живыми тут ходят, сколько они наших людей убили, пока сюда добрались? Дайте, иначе с голыми руками на них пойду.

– Так они же ушли! – искренне засомневалась женщина.

– Догоню, – уверенно ответил я, продолжив одеваться. Моя одежда была здесь, тетя Капа ее постирала и зашила, вполне хорошо получилось.

– Ты ж еще еле ходишь, нога-то плохая у тебя!

– Я осторожно.

– Иди в сенник, воротню открой полностью, со стороны петель там щель есть, в ней найдешь.

Я побежал... Ну, точнее, быстро пошел к сараю за оружием. Как и объяснила тетя Капа, тайник я нашел, а в нем сразу два автомата, магазины и гранаты. Еле-еле вытащил, неудобно засунули. Проверил ствол у одного, вроде все нормально, патроны в магазинах, взял четыре и две гранаты немецкие.

Куда направились бандеровцы, я и так видел, но предстояло догонять их кружным путем. Они по единственной тропинке ушли, та через лес выведет их на дорогу, километрах в шести отсюда, ну а я вкруголя.

Тетя Капа права, нога мне еще не дает нормально бегать, хожу-то вроде нормально, но побаливает, так что это приключение еще и тест на выносливость.

«Так, вроде нормально отбежал, попробую пойти к тропинке». По лесу идти, это не по дороге гулять. Все время что-то мешает идти в нужном направлении, то завал в лесу, то болотце, то просто деревья растут так, что хрен пройдешь. Наконец, спустя, как мне казалось, очень долгое время, я вышел к тропинке. М-да, тишина стоит, странно это, обычно в лесу шумно от птиц и зверей, а тут тишина. Прилег на всякий случай, прислушиваюсь. Ничего.

«И вот куда мне идти?»

Права была Капитолина Георгиевна, не догоню я их. Эх, а так хотелось! Все же, пересилив желание повернуть обратно, потопал вдоль тропинки вперед, к дороге.

«Вот всегда знал, терпение – добродетель!»

Я успел пройти с полкилометра, когда услышал голоса. Прислушиваясь, понял, что говорившие впереди, похоже, остановились.

– Дмитро, ну дай пожрать-то! – блажил кто-то невидимый для меня пока.

– Вам бы только жрать, командира на вас нет, останавливаетесь на полдороги! Ладно, давайте встанем здесь, но только минут на тридцать! – голос был мне знаком, это старший из бандеровцев. Значит, бойцы у него устали или жрать захотели и попросили о привале. Командир их поскрипел от злости, но согласился.

Шумели бандиты изрядно, мне не составило труда подобраться ближе и даже разглядеть их, сидящих на земле. Оружие было у каждого под рукой, но вот руки заняты консервными банками. Жрут, гады, ну-ну. Выбрав местечко, чтобы удобно было кинуть гранату, осмотрелся на предмет укрытия, нормально, за поваленным деревом меня достать будет тяжело. Мне все это напомнило бой на болоте с немцами, тогда я вышел победителем, по большей части за счет укрытия. Тогда немцы так же оказались отсечены от меня деревом. Приготовив автомат, запасной магазин и обе гранаты, выдохнул.

«Понеслось дерьмо по трубам!»

С этой мыслью дергаю на гранатах шнурки и по очереди закидываю их навесом в центр круга бандитов. Удобно они

расположились, мне ничего тут не мешает, а сидят они кучно.

Суета началась сразу, еще до разрыва первой гранаты. Кто-то что-то крикнул, его подхватил второй голос, затем был хлопок гранаты, а вот второго не последовало. Осечка, мать их... Возгласы бандитов перешли в крики, шум поднялся неслабый, суета. И во всей этой суете медленно захлопал немецкий пистолет-пулемет МП-40.

«Один, два, вру, три, смена магазина! Еще один... Ух ты, черт, чуть не попали!» – мысли проносятся в голове лихорадочно, заставляя думать быстро и точно. Смещаюсь, постоянно двигаюсь, очередь, вторая, короткие, каждая на три-четыре патрона и на землю. Ор, мат, вопли звучали в лесу громко и инородно. Вновь стреляю, стараясь при этом целиться. Неожиданно я вдруг осознал, что один из автоматов, по звуку выстрелов, находится дальше основной группы стрелков.

«Кто-то там сбежать мечтает, не вовремя!»

Отползаю чуть в сторону, стреляют по мне два или три ствола, неужели гранатой никого не задело? Всегда знал, что немецкие гранаты – дерьмо. Скрываясь за кочками с кустами черники, ползу по кругу, пытаюсь обойти привал бандитов. Но главное, надо догонять убегающего, наверняка это командир, который со мной и болтал. Наконец, замечаю движение среди деревьев и, понимаю, что не попаду, слишком в лесу сложно стрелять, препятствий, хоть отбавляй.

«Ближе, нужно еще ближе!» – стоп. Заставляю себя упасть на том месте, где находился. Впереди слева маячил силуэт мужчины. Метрах в ста виднелся просвет, значит, там возможна полянка, или просто деревья реже растут. Точно, полянка оказалась еще и кочкой, а выбежали мы к небольшому болотцу, каких здесь много. До моего врага метров пятьдесят всего, он сейчас как на ладони. Остановился, оглядывается и прислушивается, но дальше пока не идет. Ну и хорошо.

Нажав на спусковой крючок автомата, выдал короткую очередь в сторону врага. Кажется, я даже увидел, как одна или две пули рванули форму на спине. Противник вздрогнул, застыл и тут же повалился на землю. Со стороны привала бандитов стрельба стихла, когда это произошло, даже не заметил. Приближаюсь к бандиту и не подходя вплотную, просто стреляю короткой очередью в спину оуновца. Мужик дергается и замирает навсегда. Экий я кровожадный стал, вон в Сталинграде сколько времени ползал, и до последнего дня никого не убивал, а тут разошелся.

Но это еще не конец. Оставшиеся враги поняли, видимо, что их командира убили, значит, и направление для удара знают, потому как открыли огонь из двух автоматов и трех винтовок. Считая стволы, стреляющие сейчас в сторону убитого командира, пришел к выводу, что гранатой зацепил всего одного. Ну и ладно. Перемещаться мне было проще, я один и знаю, где враги, а вот бандиты паникуют и просто

стреляют почти без перерыва. Зайдя сбоку, поймал в прицел одного из них, стоявшего на колене. Он куда-то целится, интересно, куда? Короткая очередь на три патрона, бандит не вскрикнув валится, а я уже ловлю на мушку второго, уж больно хорошо его отсюда видно. Есть, еще один бандит отправился к своему кумиру. А вот дальше оставшиеся на ногах враги плотненько так начали стрелять в мою сторону. Убил я одного автоматчика и одного с винтовкой, значит, осталось двое с винтарями и всего один автоматчик. Но как-то уж больно метко бьют, вон осинка в полуметре от меня упала, срезанная пулей. Видят, что ли? А я лежу и боюсь голову поднять. Так, надо включать режим рака. Осторожно, по сантиметру пядусь, при этом отмечаю машинально, что стреляют только винтовки. Чуть приподнимаю голову, лихо-радочно кручу ей в разные стороны, заподозрив неладное. Вижу справа от себя небольшую ямку и перекатом скатываюсь в нее. Вовремя! Пули из МП-40 вздыбливают мох в том месте, где я только что лежал. Взгляд влево, высунувшись из-за дерева, стоя в полный рост, на меня смотрит бандит, до него метров десять всего, рукой дотянуться можно. Автомат в его руках начинает изрыгать из себя пули и огонь, мне же деваться было некуда, просто стараюсь вжаться в яму еще глубже. Что-то сильно дергает правую лопатку, а затем, простите, задницу. Вскрикнув от боли, не осознавая, что делаю, стреляю в ответ не целясь. Выстрелы со стороны противника прекращаются, укрылся, видимо, но это позволяет

мне выбраться из безвыходной позиции. Нет, я не побежал, я прицелился. Теперь я в более выгодном положении, чем был ранее. Главное, чтобы сзади те, с винтовками, не подошли. Спина горит огнем, скорее бы все закончилось, болит жутко, да и просто страшно, все же противников больше и все с оружием.

Словно поняв мою хреновую позицию, автоматчик закричал что-то на мове, но я понял, что он обращается к своим друзьям. Требуется обходить меня. Чуть высунувшись из ямки влево, замечаю за ближайшим большим деревом движение. Вот он где сидит. Держа дерево под прицелом, смещаюсь дальше, яростно вслушиваясь в происходящее. За спиной пока никого, надо убирать автоматчика. Посылаю очередь в дерево, в надежде спугнуть бандита, но мне это не удается, не повелся он и не вылез. Тогда выхватываю запасной магазин и стучу им о тот, что в автомате. Сработало. Услышав лязг металла, бандит решил, что я «пустой», и высунулся, получив от меня «подарок» в виде трех пуль прямо в грудь. Кстати, автомат, выплюнув их, заткнулся сам. Странно, вроде я меньше тридцати выпустил... Пружина от времени ослабла и патрон не подается? Падаю на землю и пытаюсь поменять магазин, но вижу, что не успеваю. Прямо на меня бегут двое с винтовками в руках и до них остается всего несколько метров.

– Курва москальская, на ремни пушу! – кричит тот, что бежал впереди.

Второй молчал, пытаюсь не отстать от товарища. Магазин в приемнике, щелчок, но затвор дернуть не успеваю. Видя приклад, устремленный в мою грешную голову, вскидываю ногу, стараясь если не выбить оружие из рук врага, так хотя бы отвести его в сторону. Удар по винтовке проходит, она как раз уже летела в меня. Противник теряет равновесие, и этого хватает для того, чтобы все же взвести затвор. Очередь, перенос оружия вправо, второй бандит уже рядом с первым, и падают они одновременно, причем на меня.

Осознав, что враги кончились, вспоминаю о ране, лежу-то на спине, и завываю от боли и злости. Мудак, не смог все сделать лучше? Черт, эти два трупа еще придавили к земле, не давая пошевелиться. На лицо течет что-то теплое, выгляжу, наверное, как упырь из кино.

Поднимаюсь с трудом, но не от ран, от усталости. Просто с ног валюсь, толком еще ведь не выздоровел, а тут еще новые приключения. По ранению решил, что не опасно, иначе болело бы сильнее. Саднит кожу и руку поднимать немного больно, думаю, все же просто зацепило. Осмотрев поле боя, понимаю, что не смогу утащить куда-либо здоровых мужиков со снарягой, принимаю простое, на первый взгляд, решение. Отстегиваю у одного из бандитов чехол с лопаткой и просто начинаю срезать дерн. Лес тут довольно мокрый, мох кругом, снимается легко. Рядом с каждым трупом, медленно, но верно, на земле образовалась проплешина, в которую я перекатываю тело и прикрываю снятым дерном, впол-

не нормально, тут много таких кочек, на первый взгляд и не разберешь, лежит там кто-либо или это и правда кочка.

Умаялся, что звездеч. Часа два убил на закапывание тел и сбор трофеев. Оружия много, все один хрен не утащу, возму только автоматы и патроны. Ну еще пару гранат, на всякий случай. Но тащить даже один автоматы было тяжело и пришлось бросать. Взял в итоге два, к каждому по четыре полных магазина и четыре гранаты, хватит, не надо жадничать.

Тетя Капа встречала меня с надеждой на лице и, увидев, как тяжело я иду, закрыла рот ладонью и бросилась навстречу.

– Живой я, живой, тетя Капа, все хорошо, – обнял я женщину, а она меня.

– Как же ты меня напугал, мальчик! – она плакала. – Услышала далекий бой, думала, все, больше и не увижу.

– Мне повезло, а им, – я кивнул за спину, – нет.

– Тебя опять ранили? – вскрикнула она, увидев свои руки.

Ну да, пока обнимала меня, видимо, испачкалась.

– Зацепили, суки, немного, посмотрите?

– Пошли скорее в дом, – буквально потащила меня Капитолина Георгиевна.

– Там ведь у вас еще один гость незванный? – напомнил я.

– Да отмучился уже, надо как-то вынести будет. Ты этихто как, всех на тот свет переправил?

– Всех, кто был, – кивнул я с облегчением.

– Ну, значит, и хоронить не станем, раз о нем никто не знает. Оттащить бы в лес, конечно, там зверье быстро его «спрячет» навсегда.

– Чуть отдохну и утащу, – кивнул я.

Капитолина Георгиевна уложила меня на ту же кровать, где я уже столько лежал до этого дня, и, сняв одежду, принялась хлопотать. Рана саднила, тетя Капа промыла ее, а потом начала смазывать своими травяными мазями. С перевязочным у нас было плохо, но бандиты, оставляя своего командира, заодно оставили и несколько упаковок немецкого бинта. Вот им меня и перевязала тетя Капа. От усталости или от общего напряжения я отключился. Сколько пробыл без сознания, без часов не поймешь, но проснулся не сам.

– Эй, ну ты как тут, живой? – надо мной стояли двое.

Один был здорово похож на Кузьмича из известного в будущем фильма об охоте и рыбалке. Пряма копия, только глаза грустные, а не такие хитрые.

– Вы кто? – насторожился я.

– Захарка, это ж спасители твои, Иван со Степаном, за тобой вот пришли, хотя я уже их мысленно похоронила.

– Захар, ты идти сможешь? – спросил Иван, который и был похож на Кузьмича.

– Думаю да, а далеко? – осмотревшись и покрутив головой, проверяя, где больно, ответил я.

– Далековато, брат, – кивнул «Кузьмич».

– Ничего, доведем, – подал голос второй.

– Тетя Капа, у вас ничего нет перекусить, есть хочется, аж живот болит.

– Ты спал почти двое суток, вымотался, конечно, теперь хочешь есть. Я обед сейчас разогрею, покушаете, а потом идите.

– Ладно, убедила! – ответил Иван.

Ели в тишине, но вскоре я сам завел разговор. Вспомнил о командире бандитов, что помер в доме у Капитолины Георгиевны, его же нужно вытаскивать, воняет небось давно. Но мне сообщили, что пришедшие за мной партизаны его давно утащили, так что волноваться не о чем. Обед был скромный, мы и так тут ели что придется, в основном картошку пустую, но сегодня партизаны принесли Капе рюкзак с консервами, вот она и открыла нам две банки тушенки к картохе. Наевшись, выпил стакан воды и сообщил, что готов. Партизаны собрали все оружие, и прошлое, что сами оставили тут, и мое прибрали. Немного насторожило это, даже ножа не дали, пришлось немного возмутиться.

– Товарищи, вдвоем-то, если что, легче отбиться, чем вдвоем.

Партизаны явно замешкались, переглянулись, но все же дали мне один автомат и два магазина.

Тетя Капа провожала меня как родного сына, чем-то я приглянулся ей, видимо. Как рассказывала, сама не смогла завести детей и очень по этому поводу переживала всю свою

жизнь. В отличие от многих бездетных людей, Капитолина Георгиевна не озлобилась, а напротив, стала относиться к людям с еще большей любовью, особенно к детям. Вот и меня она обнимала перед расставанием, минут пять, и никак не могла оторваться. Партизаны уже прямо говорили о необходимости скорейшего выхода, а она все редела и никак не могла оторваться. Хорошая женщина, настоящий человек, с большой буквы.

Топали мы с партизанами в ту же сторону, где я недавно смог ликвидировать бандеровцев. Я сначала думал, что они просто хотят оружие забрать, да проверить, правду ли я вообще сказал, но мужики не стали приближаться к покойникам, тем более в этом месте уже прилично воняло. Забрав оставленные мной автоматы, раз уж шли в этом месте, грех было оставлять, двинулись дальше к дороге. Иван Матвеевич, тот, которого я мысленно Кузьмичом называл, заметил по ходу движения, что один из холмиков с трупом бандита вскрыт и тело валяется невдалеке, явно кем-то обглоданное.

– Веселится лесной хозяин, – пояснил он, увидев, что я открыл рот для вопроса. Ясно, мишка откопал, он любит тухлячок.

– Идти долго, товарищи? – спросил я через пару часов.

– Долго, Захар, долго, – ответил «Кузьмич» и посмотрел на солнце. Он вообще часто поднимал глаза к небу, благо сегодня погодка отличная, солнце светит и тепло.

– Тяжеловато мне пока такие марш-броски делать, прися-

дем на пару минут? – спросил я, чувствуя себя неловко. Они втрое старше меня, а идут и не пищат, а я... Понятно, что после ранения, но все же.

– Как нога? – по-своему понял мою просьбу «Кузьмич».

– Да, – махнул я рукой, – тянет чуток, да покалывает. Тетя Капа что-то о сухожилии объясняла, куда-то там пуля неудачно залезла.

– Присядем минут на десять, попьем и отдохнем, – остановившись, кивнул партизан, – думаешь, парень, мы не устали?

– Не думаю, уверен, что устали, – твердо сказал я.

– Мы ж сюда топали почти без остановок. Раньше не могли, в рейде были, а как вернулись, приказ доставить тебя в отряд.

– Не томите, товарищи, долго идти? – еще раз попытался вызнать я хоть что-то.

– Почти сутки пути, – заключил «Кузьмич», а я обалдел.

Да уж, тяжела партизанская доля. С такими переходами на войну приползешь, а не придешь. Нет, я понимаю, что отряд должен находиться в укромном месте, иначе быстро уничтожат, но ведь и воевать как-то надо. Так получишь приказ пустить какой-нибудь эшелон под откос, и что, топать до железки два-три дня? Дела...

К вечеру остановились на привал у маленькой речушки. До этого долго пересекали поле, открытая местность, опас-

но, партизаны указали направление и побежали! Пришлось и мне поднажать так, что, когда поле закончилось, плюхнулся перематывать портянки. Ноги в порядке были, просто раны ныли ужасно, а просить о привале стыдно. Партизаны покачали головами, но деваться им было некуда, ну не могу я пока ходить, как они, дайте раны нормально затянутся, я вам еще фору дам, но пока вот так.

– Нужно переправляться, ты как, плавать умеешь, парень? – «Кузьмич» вопросительно взглянул на меня.

– Конечно, – кивнул я уверенно, – проблемка только есть, на той стороне сможете мне спину заново намазать? Мне тетька Капа с собой мази дала, а то рана свежая, не хотелось бы, чтобы гнить начала.

– Конечно, намажем, и перебинтуем заново, у нас и бинт есть, вражеский, – ответил «Кузьмич».

– Только, товарищи, нельзя нам здесь переправляться, – вдруг перевел я тему, – видите, на той стороне полянка вытопанная? Наверняка сюда часто кто-то ездит, следы от машин вижу

– Ха, наблюдательный, – подал голос Семен, он вообще чаще молчал, чем говорил.

– Точно, – поддержал его Иван. – Мост рядом, и село немалое. Здесь, ты правильно заметил, фрицы часто бывают, машины моют, видели несколько раз.

– И все равно хотите здесь плыть? – удивился я.

– Вечер уже, наверняка сегодня их тут не будет, поэтому

можно и здесь, дальше речка шире становится, опасно.

– Понял, – кивнул я. – Но надо плыть по одному.

– Ты откуда такой сообразительный? – вдруг спросил Семен.

– А вам что, обо мне ничего не известно?

– Известно, – хмыкнул Семен, – инструктор, говорят, ты, но что-то я не верю, что мальчишка может быть инструктором, даже простым солдатом.

– А покойнички в лесу не свидетельство моих возможностей? – понимаю его, но мне даже нравится, что всерьез не воспринимают.

– Ну, мало ли, из засады, неожиданно напал... – протянул Семен, а «Кузьмич» все это время внимательно слушал и смотрел на меня.

– Да хоть бы и так, мертвый враг лучше живого.

– Уж это точно, – кивнул, соглашаясь Семен.

А «Кузьмич» внезапно взял и швырнул в меня какой-то предмет. Ловить как в кино я не стал, показал все еще красивее, уклонился настолько элегантно, насколько это вообще возможно. Стоял я к нему боком и смотрел соответственно не на него, но легким движением корпуса пропустил мимо себя летевший предмет, спичечный коробок, как оказалось.

– Ты гляди, Семен, раненый, а выправка-то какова, а?!

– Не говори. Деваха много рассказывала о нем, да я не верил.

– Какая деваха? – заинтересовался я.

– Так твоя вроде как подчиненная, вот же, малец, а командует взрослыми!

– Анна жива? – воскликнул я.

– Жива-жива, та еще оторва, – усмехнулся Семен, – от эвакуации отказалась, пока, говорит, командира не верну, никуда не поеду. Боец наш хотел ее скрутить и в самолет загрузить, она ему руку сломала и два зуба выбила. Двухметровому бойцу!

– Молодец девочка, умничка! – похвалил я Анну и улыбнулся, девочкой назвал, ха. – А про бойца так скажу, чем больше шкаф, тем громче упадет.

Посмеялись. Отдохнув немного, за это время партизаны сходили в обе стороны по берегу и поглядели на предмет нахождения рядом врага. Все было тихо, и мы решили плыть на противоположный берег. Партизаны показали свои умения в изготовлении маленьких плотиков для вещей. Зачем тащить в одной руке оружие и одежду, если можно соорудить плот и положить на него все нужное? Сухих толстых веток много в лесу, собрали, переплели меж собой тонкими прутиками и все, готово.

Вода сейчас уже холодная, попросился первым, не пустили. Сначала в воду залез Семен, долго фыркая, погрузился по шею и, толкая перед собой плотик с вещами, поплыл. Он уже был на середине речки, когда слева появился шум мотора. «Кузьмич» подскочил как ошпаренный и понесся в сторону источника шума. Я наблюдал вокруг, взяв автомат на

изготовку, готовый открыть огонь буквально на звук. Наконец, с противоположного берега просигналил Семен, докладывая, что он готов и наблюдает.

– Какие-то залетные на грузовике проехали, не остановились, – вернувшийся «Кузьмич» рассказал о том, что видел у моста. – Давай ты сейчас, готов?

– Да, – кивнул я и, раздевшись, связал вещи в узел. Уложив их и оружие на свой плотик, вошел в воду. Ух! А водичка-то и правда пипец какая холодная! Внутри мгновенно все сжалось, да и снаружи тоже. С трудом переставляя ноги под водой, я наконец погрузился по шею и поплыл. Сразу стало понятно, почему Семен плыл так медленно, тут и холод, ноги руки буквально сводило, так еще и нельзя плескаться, нарушать тишину.

– Давай помогу! – подал мне руку Семен, как только я оказался на его берегу. Не противясь, вытянул свою левую и меня дернули из воды. Пока растирался полотенцем, его мне с собой тетя Капа дала, к нам присоединился «Кузьмич». Мужики, признаться, были очень худыми, плохое питание сказывается или то, что они все время на ногах, не знаю, но партизаны реально тощие. Откуда и выносливости столько, даже не поймешь.

– Отходим вправо на километр, там большой овраг и густой еловый перелесок, можно будет костер развести и нормально согреться.

Я удивился, конечно, как это, костер рядом с немцами, на

что мне ответили без ложного стеснения, что это еще ерунда. Бывало, рассказывали партизаны, зимой сидели в засаде, холодно, мороз градусов двадцать, немцы в сотне метров, а они костер разводят и греются. Даже не поверил вначале, но, когда мы прибыли к оврагу и партизаны начали устраивать кострище, обалдел. Да, такому в немецкой школе почему-то не учили. Там все было заточено на действие, а тут... Партизан должен уметь прятаться и греться в любом месте. Костер без малейшего дымка был разведен очень быстро. Выкопали ямку, прямо в низине оврага, развели костер, вокруг все закрывали растущие очень плотно елки, настолько плотно, что мы сюда еле пробрались.

– Ночь сидеть не станем, нужно идти. Еще пяток километров на север и можно будет расслабиться. Там редко кто-то бывает, да и боятся немцы. Слухи среди деревенских разносятся быстро и обрастают домыслами, поэтому враги считают, что нас тут тысячи. Может, потому и боятся лишний раз малыми группами соваться в лес.

– Нормально так вы немчуру закошмарили, – восхитился я.

– Так давно уже здесь, еще в прошлом году обосновались.

– Понятно, – кивнул я, раздеваясь.

Иван Матвеевич, он же «Кузьмич», ловко обработал мне спину и перебинтовал, я pokrутился, нормально, и не сваливается, и не мешает. Нагрелись, перекусили и вновь двинули в путь. То ли свежая мазь как-то по-другому работала, то ли

холодная вода подняла тонус, но усталость ушла, и брел я, наравне с мужиками. Остановились лишь когда совсем рас-светело, Матвейч скомандовал привал. Место выбрали хоро-шее, березовая роща, за ней луг широченный, красота, да и только. Я посчитал примерно, а нехило мы топаем. Если взять хотя бы три километра в час, выкинуть час отдыха... Километров двадцать прошли, это точно, а ведь еще и днем шли.

– Ложись спать, – в приказном порядке произнес Матвейч, блин, ему бы плащ еще, как в кино, Кузьмич, копия про-сто. – Полдня я сижу, полдня Семен, вечером выходим. Ду-маю, к утру придем куда нужно.

– А мне когда дежурить? – не понял я.

– Ты не сердчай, парень, но вдруг уснешь, у тебя раны, ты устал, я не могу пока на тебя рассчитывать. Подежурим сами, спи спокойно, набирайся сил.

И я преспокойно уснул. Продрых аж до четырех часов дня, даже кости ломить стало, во как поспал. Умывшись, де-журивший Семен указал на озерцо неподалеку, попросил его сменить мне бинт. Тот не отказал, с каким-то уверенным спокойствием нанес мазь и забинтовал, думаю, еще пару раз и хватит, наверное. Вообще, у обоих партизан чувствовался опыт в перевязках, наверняка много приходится их делать.

Мне оставили еды, перекусил и от нечего делать почистил автомат. Время убил, как оказалось, весьма много. Проснул-ся Матвейч, закончив с подготовкой к ночному переходу,

вышли, не дожидаясь темноты. Как уклончиво объяснили товарищи партизаны, к утру должны дойти, но предстоит еще найти расположение отряда. Из-за все тех же националистов партизаны постоянно перемещаются, меняя места дислокации. Немцы ведь как в этих краях, далеко от населенных пунктов на дорогах и железных дорогах не отходят, зачем им рисковать, для этого есть сброд в виде украинских националистов. А те, твари, резвятся как хотят. Грабят, насилюют, жгут, им плевать на все, делают, что хотят.

– Подождете меня немного, – посреди ночи Матвейч подошел ко мне и коротко бросил одну Фразу.

– Что-то случилось? – поинтересовался я, не рассчитывая, впрочем, на откровенность.

– Надо обстановку узнать, тут деревня рядом, полчаса и вернусь, – все же пояснил Матвейч.

– Как скажете, – кивнул я, – не опасно это, посреди ночи в деревню на оккупированной территории?

– Там наши, быстро узнаю, что к чему, и назад.

– Наши? – удивился я.

– Почти в каждой деревне у нас есть «маяки», – видя, хоть и темно вокруг, что я не понимаю, Матвейч добавил: – Два-три человека из отряда или их родственники.

– Хрена себе вы развернулись, – уважительно покачал я головой, хотя вряд ли партизан видел мое выражение лица.

– Мы давно здесь, это необходимость, иначе нас уже бы

всех переловили, немцы не дураки.

– А я все думал, как отряду, да еще большому, удастся так хорошо скрываться, при этом еще и эффективно действовать. Ай да партизаны! – восхищался я ловкостью и бесстрашием лесных воинов.

Матвейч ушел, мы с Семеном расположились под большой елью, нарубив нижних веток для подстилки. Не на голой же земле сидеть. Костер да, не нужен, не зима, но сидеть на мягких ветках все же приятнее.

– Семен, далеко деревня? – поинтересовался я, когда мы с оставшимся партизаном перекусили.

– Да не, полчаса ходу. Там днем плохо, подходы голые, одни поля. Тут вообще везде так, лес, поле, деревня или село, или хутор какой, потом опять поле и снова лес. Так от одного к другому и перебираемся. Но если отступать по три-четыре километра от населенных пунктов, можно вообще из леса не выходить, крайне редко прерывается.

– Нормально. Как вспомню окрестности Сталинграда, так зависть берет, там одни колючки да овраги, степь.

– Ты в Сталинграде был? – удивился партизан.

– Ага, – кивнул я, – две недели, пока не закатали в госпиталь.

– Сколько же ты воюешь, парень? Ты ж ребенок совсем! – Семен глаза выпучил так, что я в темноте разглядел.

– Прибыл в Сталинград в последних числах августа сорок второго, в сентябре там, потом госпиталь, восстановился, по-

лучил группу, подготовил и сюда. Мы с вашим братом не пересекались, потому как все время в городе находились, едва удалось задание выполнить, утекли, хоть и с трудом. Обложили нас, всерьез обложили. Лесов здешних не знали, так, пару тропинок, уходили к болоту. Анну я отправил искать вас, а сам...

– Так мы тебя и нашли на болоте, хорошо ты там фрицев пострелял. Я толком не слышал, что деваха рассказывала, но главное, что вы в Ровно были, знаю. Как вам удалось Коха завалить?

– Трудно, – бросил я, не хочется вспоминать, да все равно придется еще не раз. – Весь отряд положил, а сам вот, видишь, сижу тут. – Думаю, именно такой ценой и удалось это провернуть, вон Кузнецов, ведь так и не смог, даже в трусости его обвиняли, а разве он виноват был, что случая подходящего не было.

– Какой-то ты неправильный ребенок, – заключил Семен.

– Ты только сейчас это заметил? – спросил я серьезно.

Тут же, во время разговора Семен случайно обронил фразу, из которой мне стало понятно расстояние до Ровно от расположения отряда. Узнал и охренел мальчика. Больше ста километров, обалдеть. Хоть и предполагал, что не близко, но чтобы настолько. Да, убегая с Анной, мы ушли километров на десять. На каком расстоянии находится хутор тети Капы, понятия не имею, ну и тут мы идем уже вторые сутки, можно предположить, что где-то так и выходит.

«Кузьмич»-Матвейч вернулся неожиданно и бегом. Запыхался мужик всерьез, мы даже подскочили, готовые стрелять в любого, кто появится у него за спиной.

– Эти твари в деревне, – начал он, жадно хлебая воду из фляги.

– И? – не понял Семен. – Они много где бродят.

– Ефросинья встретила слезами, дочку забрали, говорит, испоганят девку. Приперлись под вечер, а наши только днем в отряд ушли, заступиться некому.

– Так надо идти! – вскочил Семен.

– Вдвоем против пятерых? – с сомнением покачал головой Матвейч

– Не списывайте меня, помогу, я почти в норме, справимся, – твердо заявил я.

– Тогда, – подумав, ответил Матвейч, – надо бегом.

– Надо, значит, надо, – пожал я плечами.

– Лишнее тут оставим, возьмем только по автомату и патроны, конечно.

Мы выдвинулись бегом, по ночному лесу это было опасно, приходилось низко наклонять голову, чтобы случайно глаз о какую-нибудь ветку не выбить. Бежали недолго, минут десять, когда показалось поле и Матвейч уверенно направился в сторону виднеющейся деревни. Небольшая, издали, как мне удалось посчитать, дворов на десять-двенадцать, но она под горку уходит, так что, сколько точно, пока не определить.

Остановившись возле забора одной из хат, Матвейч сде-

лал жест – ждать. Мы с Семеном, держа оружие наготове, смотрели по сторонам, присев на колени. Матвеич, сбегав к хате, вернулся не один.

– Ой, ребятки, выручайте, Алеська ведь малая совсем, что они с ней сотворят ироды?! – причитала тетка, прибежавшая вместе с Матвеичем.

– В какой они хате? – тихо спросил он, пытаясь привести женщину в чувство. Тетка ревела, но старалась сдерживаться, боясь привлечь врагов. Разглядывать ее было некогда, да и темно, но вроде как не старая совсем, кругленькая такая, коса длиннющая, висит не забранной за спиной, а голые ноги, без обуви, блестят даже в темноте.

– Третий дом на той стороне, бывший дом председателя. Он пустой стоял, председателя-то повесили сразу, как эти демоны появились в прошлом году, но дом-то справный.

– Точно пятеро их? – уточнял Матвеич, готовя автомат.

– Ей-богу пятеро, сама сосчитала! – клятвенно уверила тетка. То, что это именно тетка, а не старуха, я уже понял, лет тридцати пяти, не больше.

– Стой, Матвеич, – влез в разговор я. – Обожди.

– Чего? – уставился на меня Матвеич как на препятствие.

– Меня не тронут, я ж пацан еще, зайду спокойно, а вы уже за мной. Надо тихо войти, а то еще девахе достанется. Сколько девочке лет? – вдруг спросил я, обратившись к женщине.

– Так только четырнадцать годочков этим летом стукнуло,

малая совсем! – вновь запрочитала мать.

А я вдруг ощутил волну холода, прошедшую от пальцев на ногах до кончиков волос на голове. Что-то перевернулось во мне, и я первым двинул к указанному дому. Слышал, что за мной следуют остальные, но даже не оборачивался.

Никого у хаты не было, националисты не выставили даже часового, как тетка объяснила, пьют сильно, уже сюда пьяные на телеге приперлись. Оставив автомат возле двери, прислонив к стене, я тихонько толкнул дверь, подалась легко. На миг обернувшись к партизанам, показал палец, приложенный к губам, и скользнул внутрь.

– Мы что, так и будем стоять? – вопросительно посмотрел на Матвейча Семен.

– Идем, но тихо, – и они скользнули в дом следом за мной.

Тем временем я, тихо прокравшись по сеням, достал оба ножа, что забрал у убитых мной в лесу оуновцев, и приготовился входить. Дверь скрипнула, а передо мной предстала картина маслом. Большая комната, посередине стоит круглый стол, на нем несколько бутылок, какая-то еда и керосиновая лампа. За столом сидели трое бандитов в светлых, но грязных рубашках, все небритые давно, рожи мерзкие. Четвертого я срисовал слева, он лежал на кровати и, похоже, дрях. Где пятый, не известно. Ближайший ко входу, то есть ко мне бандит, вскинув на меня пьяные глазенки и прищуриваясь, пытаюсь разглядеть, тягуче спросил:

– Ты кто?

Остальные поднимали глаза.

– Ваш звездец! – сорвался я, так как услышал за занавеской справа возню и писк девочки.

– Ч-чего? – попытался встать оуновец, но от удара моим ножом завалился прямо на стол, заливая все вокруг себя кровью. Бил я наотмашь, со всей силы в горло. Точнее, по горлу. Башку не отрезал, сил бы все равно не хватило, но вскрыл глотку на раз.

Остальные сидевшие, кажется, мгновенно протрезвели и вскинулись из-за стола, пытаясь схватить оружие, стоявшее и лежавшее поблизости. Три шага вправо, боком ко мне человек, поднимающий с пола винтовку, получает удар ножом именно в открытый бок и, заорав как раненый зверь, хватается за рану, выбывая из битвы. Последний из тройки схватил автомат, даже поднял его, но удар в колено ногой заставил его обратить внимание на боль. Автомат опустился, так и не начав стрелять, а я уже наносил следующий удар. Вновь режущий, справа налево в район горла, в этот раз не попал, козлина как раз пригнул голову и удар ножа рассек его мерзкую харю. Что-то теплое обильно оросило мое лицо; машинально проведя лицом по рукаву, поворачиваюсь лицом к занавеске, за которой уже стоит тишина.

– Выходи, сука, – негромко командую я и встаю чуть в стороне, вдруг пальнет. И ведь пальнул, гнида. Не видя меня, стрелял прямо сквозь занавеску, по звуку, пистолет. Выстрел, второй, третий, четвертый, пятого не произошло.

Осторожно роняю стул рядом, создавая иллюзию падения тела. Занавеска откидывается в сторону, и за ней возникает такой гоблин, что я, наверное, даже рот открыл.

– Живой еще, сейчас исправим! – Он поднимает пистолет – и падает от очереди из автомата в упор.

– Матвеич, слышишь чего? – спросил Семен у товарища, когда они зашли в хату следом за пацаном, но в сенях остановились.

– Плохо, что-то крикнул им, а дальше, похоже, драться начали.

– Так заходим, мало ли чего?

И партизаны ввалились в комнату. Перед их глазами происходило действие, мальчишка, которого они вели в отряд, с ножами в руках вертелся по комнате, точнее, он как-то очень быстро через нее пролетел, почти разом порезав троих бандитов. Крови вокруг было море, сам мальчуган в ней вымазался просто жуть как. С его лица стекали струи красной жидкости, Матвеич как раз разглядел, как парень вытер лицо рукавом, растирая кровь по всему лицу, когда справа раздались выстрелы. Мальчишка, напружинившись, вжался в стену под окном, чуть присев. Пули прошли мимо, стреляли вслепую, но затем занавеска улетела прочь, а огромного роста верзила, с пистолетом в руке, появился перед партизанами. Он направил ствол на парня, но тут Семен выпустил очередь от живота, буквально изрешетив бугая сверху донизу.

Я кивнул в сторону вошедших партизан и бросился к койке с пятым бандитом, который упал с нее, во время стрельбы и вжимался в пол, делая вид, что он ни при чем.

– Этого берите, – кивнул я партизанам, а сам направился проверить девочку.

Видимо, вид у меня вид был какой-то не такой, проходя мимо Семена, тот аж в сторону отскочил, дабы я не врезался в него. Заглянув за занавеску, которая разделяла комнату на две части, обнаружил на узкой железной кровати девочку. Полностью раздетая, она сидела, вжавшись в угол, и дрожала так, что я испугался, как бы зубы не раскрошились. Разглядев на полу ее платье, поднял, стараясь не смотреть на обнаженное тело, и хотел передать девочке, но обнаружил, что оно разорвано в клочья.

– Ты как, в порядке? Я сейчас скажу твоей маме, чтобы принесла одежду, хорошо?

Она меня, кажется, вообще не слышала. Смотрит перед собой и сильно-сильно трясется. Этот упырь, видимо, все же успел ее... Я выскочил на улицу, здесь Матвейч пытался допрашивать пленного, мать девочки была здесь же.

– Принесите какую-нибудь одежду, только подходите к ней осторожно, девочка сильно напугана, давайте быстрее! – обратился я к женщине, и та понеслась к себе домой. Через несколько минут она на сверхзвуковой скорости пролетела обратно.

– Эй, ты сам-то как, отошел? – мне на плечо осторожно

положили руку. Матвейч.

– Что? – очнулся я, встряхнувшись.

– Как ты, говорю, Захар?

– Да все нормально, – взглянул я на партизан, – спасибо, едва пулю не словил.

– Да не за что, – отмахнулся Матвейч. – Ты это, часто так?

– Что? – не понял я.

– С ума сходишь?

Это он о чем? Я непонимающе поглядел на партизана, а он добавил:

– Видел бы ты себя со стороны.

– Да что такое-то? – взбрыкнул я.

– Я думал, видел, как умеют драться с ножом, признаюсь, не хотел бы стать твоим врагом, – вступил в разговор Семен. – Тебя даже не видно было, как молния какая-то! Вжик-вжик, и все вокруг в крови. Ты на себя в зеркало глянь, как вампир какой-то!

– Лучше бы ведро воды дали, чем упрекать, – фыркнул я, – кончили бы этого козла, чего на него любоваться?

– Этого надо с собой тащить, хорошо хоть недалеко осталось, знает кое-что, – заключил Матвейч.

– Как хотите. Где тут колодец?

Меня проводили к соседнему дому, тут находился общий колодец, хотя, думаю, частных тут и нет вовсе. Мужики набрали ведро ледяной воды, и не успел я начать умываться, как подбежала мать девочки.

– Я увела ее в дом, мальчик, что же тебя тут ледяной водой мыть собрались, пойдем скорее ко мне в хату, я тебе вынесу два ведра, утром набирала, нагрелись уже.

Я послушно побрел за женщиной, думая о своем. Как-то резко мне башню сорвало, что это было вообще? Я чуть не на стволы полез с ножом. . . Тревожно как-то, с головой что-то случилось, что ли?

Женщина и правда вынесла мне вполне теплой воды, дала какую-то ветошь, я распознал в ней мочалку. Хотел умыться сначала, но Матвеич поднял одно ведро и предложил полить на меня.

– Ты бы разделся, я тебе одежду сейчас из сыновней подберу, осталась у меня, – вновь подала голос женщина.

Я послушно разделся, оставшись в одних черных трусах, а Матвеич начал лить мне на голову воду. В голове словно прояснилось, я задвигал руками, пытаясь разодрать склеившиеся волосы, нехило меня так кровушкой залило. Семен тут же протянул кусок мыла, маленький, остаток, наверное, откуда и взял-то?

Двух ведер вполне хватило, женщина и правда принесла мне какие-то штаны, вполне крепкие на вид, рубаху и курточку. Но главное, она подала мне белоснежное полотенце, которым я с удовольствием вытерся.

– Спасибо тебе, парень, как же ты вовремя! – проговорила мама девочки, когда я оделся и наконец, пришел в себя. – Дочка в порядке, отошла, говорит, что не успели насиль-

ничать. Ой, если бы не вы, хлопцы, что бы они с ней сделали... – и женщина разрыдалась. Матвейч прижал ее к своей груди, успокаивая, но она все плакала и плакала.

– Как тебя зовут? – вдруг услышал я голос за спиной. Обернувшись, увидел саму девочку. Одета, перестав рыдать, она выглядела очень красивой, понятно, почему эти суки позарились на нее, выглядела она вполне эффектно. Вон, грудь уже топорщится не детская, да и ноги, хоть и прикрыты платьем сейчас, но вижу, что стройные и длинные.

– Захар, – ответил я, глядя ей в глаза.

– Спасибо, никогда тебя не забуду, – и она бросилась мне на шею. А когда оторвалась, поцеловала в щеку и повернула голову к партизанам. – Возьмите меня в отряд?

– Мы это, не можем... – начал было Матвейч, но тут и мать девочки застонала вновь.

– Ваня, миленький, возьмите ее, ведь не дадут нам покоя! Придут другие и все равно добьются своего. Твари, а не люди, – женщина сплюнула в сторону сидевшего рядом бандита, который старательно делал вид, что его здесь вообще нет.

– Да возьмите ее, как ей здесь оставаться? – кивнул я.

– А ты как же? – партизан взглянул на мать.

– И я с вами пойду. Чего мне одной тут делать? Прогоните немца, вернусь, а нет, значит, так с вами и буду. Я не старая еще, все могу делать, готовить, стирать, все!

– Ладно, собирайтесь обе, только быстро, нам торопиться надо, – немного недовольно ответил Матвейч.

– Кто вы и откуда? – спросил я, подойдя к пленному

– Атаман наш, Мирон Краско, мы в Знаменах стоим, – ответил пленный оуновец.

– Сюда вы зачем приперлись? – вступил в допрос Матвейч. – Знаете же о договоре!

– Петро Местяк хотел эту девку себе забрать, давно приглядел. Тут мимо ехали, вот и свернули.

– Это тот, которого я с нее снял? – бросил я.

– Д-да, – часто-часто закивал пленный. – А ты кто? – Ух ты, решился все же спросить?

– Смерть я ваша, твари, всех выведу, обещаю! – отрезал я, словно выплюнул в его сторону. Кажется, пленного пробрало, и он затрясся.

Женщина с дочерью собирались недолго, а когда вышли и мы уже собирались в путь, начали вдруг подтягиваться и другие жители деревни. Матвейч зло буркнул, увидев, как те тянутся к нам:

– О, проснулись, а до этого как будто вся деревня вымерла!

– Вы вернетесь, ребятки? – спросил на украинском суржике какой-то старый дед.

– Конечно, – ответил Семен, и мы, развернувшись, потопали к лесу.

В отряд прибыли под утро, как сказали партизаны, задержались всего часа на два. Едва слух о нашем приходе разве-

телся по лагерю, как из одной палатки, в виде чума, выско-
чила Анна, как же я рад был ее увидеть! Бросившись мне
на шею, девушка повисла на мне, прижавшись всем свои ап-
петитным телом. Нет, ну они просто издеваются все надо
мною... Ну маленький я еще, маленький, только тринадцать
осенью, но вот на следующий год, я думаю, уже все точно
подрстет, а вот тогда... Тогда будет хреново. Если на меня
вот так все девки будут вешаться, как же выбрать ту, что бу-
дет моей? А ведь если не погибла, то есть еще Катя в Ста-
линграде, мне казалось, я даже влюбился в нее.

А вот девочка из деревни, которую мы спасли от изнаси-
лования, кажется, расстроилась, увидев, как на меня броси-
лась Анна. Как бы не передумала оставаться в отряде.

– Ты почему отказалась лететь в Москву? – я серьезно так
наехал на девушку, едва она отстранилась.

– Мне разрешили... – потупилась Анна.

– Разрешили, – передразнил я ее, улыбаясь во весь рот. –
Уболтала?

– Мне правда разрешили, мы запрос делали.

– Ладно-ладно, убедила.

– Так ты и есть тот самый мальчик-инструктор? – раздался
голос позади меня.

Анна немного напряглась, но, впрочем, волнения не бы-
ло. Обернувшись, увидел одетого по всей форме мужчину,
наверняка политработник или начштаба отряда партизан, он
и спрашивал меня, а рядом с ним... Мать моя женщина, так

я что, прямо к «Победителям» попал, что ли? Дмитрий Николаевич, собственной, так сказать, персоной! Сколько раз в будущем о нем читал и видел его фотографии, сделанные, кстати, тут, где-то в этих лесах.

– Разрешите доложить, товарищ командир?

Последовал кивок от «политрука».

– Сержант особой группы ОМСБОН НКВД Горчак. Задание по ликвидации гауляйтера Украины выполнено, к сожалению, при выполнении задания группа была практически уничтожена. Находился на лечении у местного жителя, благодаря двум товарищам вашего отряда выжил и готов продолжать службу

– Я – начштаба отряда, – представился «политрук», – сделали запрос на тебя, когда Матвеич нам о тебе весточку принес. Еще месяц назад нам наградные на вас обоих прислали. Девушка уже свое получила, ну а тебя позже, на собрании отряда наградим.

– Служу трудовому народу! – гаркнул я, но робко.

– Хорошо. Это командир отряда, Дмитрий Николаевич, он хотел с тобой побеседовать, ну и я за компанию, через часик зайти к нам.

– Как прикажете! – вновь четко ответил я.

– Анна покажет тебе свободное место в палатке, располагайся и отдыхайте.

– Есть!

Анюта повела меня куда-то к палаткам, но я остановил ее.

Хотелось расспросить, чем она занимается здесь, в отряде, да и вообще, как добралась, как приняли.

– Да хорошо приняли, вот, смотри, – девушка откинула шарфик, что висел на ее шее, и мне во всей красе предстал орден Красного Знамени. Хрена себе, вот это награда!

– Молодец, красотка, так держать. А все же, что ты теперь тут делаешь?

– На задания меня не берут пока, тебе, я думаю, все скоро объяснят, ты же не рядовой боец, а инструктор.

– Слушай, ну и наделила ты меня известностью, хоть стой, хоть падай. Замучился уже объяснять, что и как. Назвала бы простым бойцом и все, а то – инструктор. Ты на меня посмотри, как мне людям это объяснять? Это там, на Большой земле вам все обо мне рассказали, а тут? Мне нужны полномочия, чтобы хоть часть информации о себе рассказать.

– Прости, – она так мило улыбнулась, что я тут же простил. Эх, ну почему мне нет хотя бы шестнадцати... Стоп, не думать, не думать. Но как же она хороша...

Девушка указала мне на палатку командиров, в нее я спустился час и пришел. Сразу же дело и застопорилось. Мне предложили рассказать о себе, а я не знал, могу ли. Ведь то, что я Захар Горчак, кроме Анны никто подтвердить не может.

– Мы сделаем запрос сейчас, посмотрим, что ответит центр, попросим подтвердить твою личность, – было мне сказано, но предложили рассказать о том, как удалось уничтожить объект.

– Да уж, – покачал я головой, – объект. Тварь он, а не объект, товарищи командиры. Жаль мальчишек и девчонок, что полегли из-за него, но, конечно, жаль и других людей, кто пострадал от его действий. Долго мы готовились, долго. Ничего не получалось, он как заколдованный, все время утекал от нас. То не приедет вовремя, хотя встреча готова, то его в Германию вызовут, то еще что-то. Мы и сделали-то все практически экспромтом, надоело уже ждать и что-то придумывать. Один из наших парней предложил идею с отвлечением его эскорта взрывом, так и поступили. Мальчишкам было не подойти, сто процентов взяли бы, а девочка... – я аж содрогнулся, – одна из девушек сделала эту работу, причем так, как сама решила.

– Самоподрыв? – покачали головами командир и комиссар.

– Да, скорее всего, она поняла, что не уйти ей будет, не захотела попадать в гестапо, вот и «ушла».

Ну, а дальше дело техники, точнее, в технике стрельбы Анны.

– Да, у девушки талант, просто удивительно чувствует оружие. Она у нас занята на стрелковой подготовке. Дело в том, Захар, что у нас другая специфика работы. Нет, и мы, конечно, пускаем эшелоны с гитлеровцами под откос, но в основном наше дело – разведка. К нам стекаются сведения со всего этого огромного района, акции – второстепенны. Поэтому твоя красавица у нас лишь учит людей стрелять, боль-

шинство из них обычные крестьяне, стрелять не умеют, а она молодец, дело сразу сдвинулось. – Странно, что так легко мне рассказали о работе отряда.

– Рад, что вы ее оценили, она и правда большая умничка. Тащила меня на себе от немцев, пока сам не приказал бросить. Я-то уже умирал, товарищи командиры, мне не страшно было, но не мог себе простить, что ее не спас.

– Вовремя ты ее отправил, а вот мы немного не успели, когда Матвеич нашел тебя, вокруг были одни трупы, да и ты сам от них не сильно отличался, – Медведев как бы извинялся, но при этом его лицо было непроницаемым, строгий командир, помню, как его характеризовали.

– Спасибо вам, товарищ командир, за бойцов таких.

– Что там по дороге у вас случилось? Матвеич какие-то ужасы о тебе рассказывает, даже не верится.

– Не понимаю, о чем это? – я сделал вид, что сам удивлен.

– О твоём бое в доме, где девочку бульбаши хотели изнасиловать.

– Ничего особенного, так, подрались немного.

– Подрались немного? Как мне доложили, ты там такую резню устроил, что смотреть страшно было, – округлил глаза начальник штаба.

– Да голову потерял, просто девчонку жалко стало, не могу я видеть, как они страдают на войне. Она ж ребенок еще...

– А сам?

– И я ребенок, – понурился, ответил я. – Если бы все

тот же Матвеич не подоспел, меня бы там и положили. Зарвался. Иван ваш, как ангел-хранитель мой, второй раз вытащил.

– У Ивана Матвеевича сын был, как ты, такой же, десять лет ему было...

– Я старше, – перебил я командира.

– Ненамного. Немцы его, когда отца искали, вместе с матерью в доме сожгли. Еще в начале войны.

– Жутко, – встряхнулся я, представив себе такое.

– Так почему ты, мальчик по сути, полез в самое пекло? Я понимаю, что ты какой-то инструктор, не понимаю, как ты им стал, и почему считал, что сможешь справиться в одиночку.

– Извините, товарищи командиры, ответят из Центра, дадут добро, расскажу всю свою жизнь, идет? – улыбнулся я.

– Ладно, иди, на довольствие тебя поставили, но занять тебя пока ничем не могу, так как ничего о тебе не знаю, – подытожил командир отряда.

– Если нужно, – решил я чуть приоткрыть тайну, – могу потренировать немецкий, если есть с кем?

– Хорошо знаешь? – заинтересовался комиссар.

– Как немец, – вновь загадочно ответил я.

– Есть у нас один товарищ, тоже на немецком, как на родном, в город ушел недавно, редко, но появляется в отряде.

– Под немца работает? – Елки-иголки, ведь они о Николае Ивановиче говорят! Эх, как бы его предупредить теперь...

Сколько он пользы еще сможет принести, если жив останется. Так, задача номер один, Кузнецов должен жить!

– Мы и так тебе много сказали, – ответил начштаба. – Иди пока, позовем.

Я прошелся по расположению, вновь нашел Анну, поболтал с ней, она же отвела меня к их местному, партизанскому доктору. Тот аккуратно снял мне бинты, обработал раны и хотел было чем-то их намазать, но я вовремя вспомнил о мази тети Капы, как раз, наверное, на один раз осталось, и попросил намазать ей.

– Ты и есть наш новенький, который мальчуганом уже врагов режет чище любого взрослого? – завел разговор доктор. Интеллигентного вида молодой парень, скорее всего, студент. Кудрявые волосы, очки, глаза за стеклами большие, худой как палка, вон, кадык как выпирает.

– Наверное, – уклончиво ответил я.

– Смотрю, не один доктор уже на тебе автографы оставил, – бывший студент указал пальцем на мою спину, пока я одевался.

– Есть такое, не знаю и почему, но всякое дерьмо в меня летит с первого дня войны, больше лечился, чем воевал.

– Не рано?

– Что? – не понял я.

– Воевать-то?

– В самый раз, – отрезал я. – А вы почему не в институте?

– Ушел, посчитал нужным быть здесь, тут нужнее.

– Вот и я, выходит, на войне нужнее.

– Ты ж ребенок?! – глаза от моего ответа у студента стали еще шире.

– Думаете? – и я взглянул на него так, как умел иногда глядеть. Даже у Малыша в Сталинграде, как он сам признавался, мурашки иногда бежали по спине от моего взгляда. Доктор-студент отшатнулся, задел лампу на столе и чуть не перевернул вместе со столом. Сам-то еще молодой пацан, а строит из себя опытного вояку.

– Захар? – позвала меня Анна от входа в палатку врача.

– Иду, – ответил я, меняя выражение лица, – спасибо, доктор.

– Всего хорошего, – тихо ответил врач.

Девушка отвела меня на этот раз к кухне, поел немного каши, не хотелось как-то, затем увидел мальчишек. Это были дети кого-то из партизан, и они, разумеется, решили со мной зазнакомиться. Я как-то еще не попадал здесь в такие ситуации и несколько растерялся. Это я со взрослыми легко, я ж и сам взрослый мужик в теле ребенка, а вот с детьми.

– Привет, я Михась, – первым поздоровался и протянул руку парнишка лет двенадцати, светловолосый, с голубыми глазами, лицо улыбающееся и открытое. Какая, наверное, разница между нами, если со стороны смотреть. У меня и тело тренированное, и рост выше большинства одноклассников, да и выражение лица совсем иное. Интересно даже, что обо мне думают люди, когда разглядывают?

– И вам привет, – ответил я, обведя взглядом всех, кто подошел к нам с Анной. Было мальчишек трое, этот, что по-здоровался первым, на вид был самым старшим из них. Двое других лет десяти, один на цыганенка похож, из Молдавии, что ли? Приглядевшись к нему, решил, что ему еще меньше, лет девять, а то и восемь всего. Второй же здорово был похож на Михася, только возрастом младше. Мальчишки были одеты по-разному, но на головах у всех троих советские пилотки, даже со звездочками. А вот на ногах какие-то опорки. О, блин, да это ж лапти! Мать моя женщина, чего, правду в книге писали, что ли? Читал в будущем в книге самого Медведева, как у них боец в отряде здорово лапти плел, выходит, не придумал.

– Ты откуда к нам пришел? – спросил самый младший, как я решил, молдаванин.

– Из лесу вестимо, – хмыкнул я. – Шучу. Да где я только не был, ребята.

– На фронте был? – вновь подал голос старший, Михась. Ему очень хотелось казаться старше, чем есть, но выходило смешно.

– Да, немного, недели две, – кивнул я.

– А чего как мало? – вновь молдаванин.

– Хватило и этого, чтобы в госпитале чуть не полгода пролежать, – хмыкнул я. – Немцы не деревянные истуканы, тоже стрелять умеют.

– Ранили? – опять Михась.

– Если бы один раз, – улыбка сошла с моих губ. – Тяжело на фронте, ребятки, очень тяжело.

Вопросы как-то и кончились, мы с Анной попрощались с детьми, махнув по-дружески, и продолжили путь. Аня показывала мне лагерь, раз не запретили такого, значит, хоть какая-то вера, но все же есть, а это уже совсем другое дело. Время пролетело очень быстро, останавливались перед каждым человеком, кто встречался на пути, здоровались и знакомились. Как потемнело, даже и не заметил. Места в шатре хватало, оказалось, что он на четверых, но двое в дозоре, так что мы ночевали лишь с одним солдатом. Паренек лет двадцати, двадцати двух, тонкие усики под носом, бриться начал, наверное, совсем недавно. Парня звали Юриком, он протянул руку для знакомства, задав пару дежурных вопросов, предложил ложиться спать, так как ему рано вставать. А уже в пять утра к нам кто-то пришел и, забрав Юрика, оставил меня в одиночестве.

Утром проснулся от шума и суеты где-то поблизости. Вылез из палатки и удивился, ничего не бояться, или считают себя в безопасности? Вокруг сновали туда-сюда различные люди, мужчины, как в форме, так и в телогрейках, женщины в таких же телогрейках, но вдобавок в юбках. Я всегда думал, что партизаны сидят как мыши под веником, а тут жизнь кипит, как в городе.

– Товарищ сержант? – услышал я слева и повернул голову. Точно, ко мне обращаются. Передо мной стоял молодой

парень, в такой же телогрейке, как у многих, и с винтовкой за плечом. Лицо его было серьезным, он точно не прикалывался надо мной.

– Это вы мне? – все же решил спросить я.

– Да, товарищ комиссар просил вас прибыть к нему в палатку, как только оправитесь.

– В смысле? – не понял я.

– Ну, вы же только проснулись, оправляйтесь скорее, вас ждут.

– Извините, товарищ боец, почему вы так официально обращаетесь? – как-то коробило меня, парень ведь старше меня, причем намного.

– Как приказали, так и обращаюсь, товарищ сержант, – четко отчеканил партизан и спросил разрешения быть свободным.

– Конечно, идите, – кивнул я. Даже не по себе как-то, стоит боец, раза в два меня старше и рапортует...

Сходил до отхожего места, потом умылся и побрел к палатке комиссара. Тут стоял часовой, тот же парень, что и приходил за мной.

– Можно? – спросил я у него.

– Да, проходите, вас ждут.

Внутри было накурено, командиры толковали о чем-то, но, когда я вошел, поморщившись от дыма, отвлеклись.

– Радио было под утро.

– И вам с добрым утром, – наклонил голову я.

– Тебе привет от полковника Рыкова, – командир отряда уставился на меня, пытаюсь... даже не знаю и что, подловить на эмоциях?

– Жив, значит, Егор Степанович, – улыбнулся я, – хорошо. Полковником стал, где он теперь? На юг с армией пошел или перевели?

– А где был? – продолжали терзать меня партизаны.

– Там же, где и я, хоть я и недолго там пробыл.

– Нам ответ нужен, точный.

– В городе на великой русской реке Волге.

– Короче, тут еще пара вопросов, но вижу, ты именно тот, за кого себя выдаешь. Полковник Рыков в штабе одной из дивизий на юге.

– Можно еще вопросы, – улыбнулся я, – даже самому интересно.

– Брата старшего как звал? – даже до такого докопались, ну и москвичи, ну и конспираторы. А ведь сколько они обо мне информации собрали, это ж кучу людей опросить было нужно, работают черти, работают.

– Малыш жив? – чуть склонив голову набок, спросил я.

– Ну теперь вообще порядок. Жив, восстановился после ранений, но на фронт не попадет больше, по крайней мере пока. Как нам объяснили, слишком ранения были серьезными, он сейчас инструктор в школе ОМСБОН. Да, последний вопрос не хочется задавать, ты же опять спросишь, что с ним...

– Что с Катей? – я, наверное, изменился в лице, командиры отпрянули. Действует мой взгляд, действует. Но волновало меня другое. Ведь они же о ней хотели спросить.

– Прости, погибла сестричка, через неделю как попрощалась с тобой, – командиры повесили головы, явно сочувствуя.

– Товарищи командиры, разрешите выйти на пять минут... – попросил я, с трудом сдерживая себя.

– Конечно, поговорим позже, не горит, – ответил тихо Медведев.

Вышел я, словно стержень вынули. Конечно, я все понимал. Понимал, что она была старше и ничего мне не обещала, понимал, что и знал-то ее совсем мало, но ее глаза, чистые, светлые, словно небо в ясный день, помню, как будто видел минуту назад. Не знаю, что на меня нашло, вдруг накатила ярость, такая же, как недавно в доме бульбашей, когда я их начал тупо резать. Резал методично, одного за другим, даже не соображая, что могут застрелить. Как-то я начал терять хватку, отключаются мозги, ничего с этим поделать не могу. Психологическая травма детского мозга?

Выдохнув, вытерев влажные глаза, вдруг поймал взгляд часового.

– Что? – довольно грубо спросил я.

– У... у вас кровь... – парень был белый как мел, а я вдруг почувствовал боль. Проведя ладонью по губам, увидел кровь. Вспоминая Катю, так закусил губу, что чуть не

откусил. Сразу больно как-то стало, начал искать по карманам что-нибудь вроде платка, прекрасно понимая, что его там нет.

– Возьмите, товарищ сержант, – боец, продолжавший наблюдать за мной, он тут вообще-то на посту стоял, протянул руку, а в ней я увидел упаковку бинта. Немецкий материалчик, пользовал не раз.

– Спасибо, друг, – кивнул я.

– Что-то случилось?

– Узнал, что потерял хорошего человека... Не бери в голову, все нормально.

Хотелось выговориться, и как всегда, делаешь это в присутствии первого встречного. Надо возвращаться к Медведеву, командиры жаждут рассказа, надо заканчивать с моей интеграцией в отряд.

– Прошу извинить, – вернувшись, произнес я.

– Ты в порядке? – сочувственно положил мне руку на плечо комиссар отряда.

– Да, – уверенно кивнул я. – Итак, что вы хотели бы знать?

– Начни с начала, – предложили мне, и я вновь, в который уже раз, рассказал свою эпопею с пленом, обучением у врага, службой в Сталинграде и закончил приходом в отряд.

– Вот это ты хватил! С десяти лет пройти такое... – комиссар неподдельно поразился.

– Бывает, – кивнул я соглашаясь. – Какие выводы, товарищи партизаны?

- Нам нужно обдумать, сможем мы тебя включить куда-то.
- Хорошо. Могу быть свободен?
- Да, иди, конечно.

Мне не сиделось на месте. Тут и Катина смерть, точнее известие о ней, да и просто хотелось что-нибудь подлое немцам устроить. Но мне приготовили сюрприз. Командиры отряда категорически начали меня игнорировать. Нет, вечером того дня, когда они все обо мне узнали, а перед этим получили сведения из Москвы, все было чинно и благородно. Перед ужином собрали чуть не весь отряд, устроили митинг, господи боже, я даже не подозревал, что у них до такой степени все «запущено». Против партийности я, конечно, ничего не имел, но вы бы послушали эти разговоры... Да, у этих людей вера в партию привита на уровне, так и вспоминаю труд одного историка в будущем. Тот описывал первые годы после революции и спор двух вождей о федерализации страны. Сталин тогда был против, и, как позже оказалось, не зря он сопротивлялся, ибо именно через продавленную Лениным программу и законы и развалили Союз. А все было просто, Сталин, тогда споря с Ильичом, прямо спрашивал его, за счет чего будет общность в Союзе, если мы в конституции запишем право на самоопределение нации. Ильич тогда ответил веско, как ему казалось. «Скрепит народ – партия!»

И вот здесь и была допущена ошибка. Развалили партию, и кранты стране. Ибо не осталось ничего, что держало вместе

все наши республики. Это я все к чему. Тут народ настолько сплочен идеей партии, что от их речей уши вяли. О жертвенности ради общего дела, об ответственности перед партией. Не перед народом, а перед партией! И когда я услышал одно заявление местного комиссара, передо мной как будто тряпкой красной помахали.

– То есть, вы считаете, что человек должен идти до конца в любом случае? – это я вскочил с места, когда услышал о том, что если мне приказали убить кого-либо из командиров или чиновников немецкой администрации, то даже находясь в окружении солдат противника, я должен пойти на этот шаг и выполнить задание. А я ведь знаю, откуда это вылезло, Кузнецову в укор ставили то, что не воспользовался моментом и не попробовал убрать Коха. Ну не мог он его завалить тогда, не мог. Выдал бы себя и дело не сделал, кому от этого хорошо? Вот меня и злили такие речи. Большого бреда я не слыхал, но это ж прожженные коммунисты, спорить бесполезно, а я полез.

– Ты по-другому считаешь? – Ох, видели бы вы глаза командиров...

– Можно мне выступить? – вместо ответа спросил я.

– Ну, выходи, послушаем, – недобро так ответили мне.

– Допустим, – я взял с земли палку и отломил от нее кусок, – вот это – Гитлер. Не важно, на самом деле, пусть он или любой человек из верхушки рейха, – я воткнул палку в землю перед собой. – У него есть подчиненные, особо при-

ближенные, так? – ломаю палку еще на несколько частей и втыкаю перед «Гитлером». – У этих тоже есть подчиненные, а дальше – больше.

Я начал просто чертить квадраты, объясняя, что это – полки, дивизии и армии.

– И вот теперь такая ситуация. Есть один партизанский отряд, составом, ну, скажем, человек в сто, – я нарисовал еще квадратик, но в стороне. – Этот отряд пускает под откос эшелоны врага. Их содержимое, оружие, боеприпасы и просто личный состав, не доходит вот сюда, – я указал на линию, которую прочертил перед этим. – Здесь находятся наши полки, дивизии и армии с фронтами. Так вот, мой вопрос простой. Имея возможность, ну, допустим, на дороге, на обочине которой, в лесу, в этот момент сидит весь отряд партизан, остановился немецкий кортеж. В нем командир или командующий любой из этих групп войск. Ну, например, командир дивизии вермахта. Партизаны могут убить его одним точным выстрелом, при этом обнаружив себя и в итоге дав немцам уничтожить отряд. Каков будет ваш выбор?

– Если его можно уничтожить, о чем тут думать? – тут же вскинулся какой-то мужичок, судя по тому, что сидит вместе с командирами, не рядовой боец.

– Простите, но думать нужно всегда, – поддел я нетерпеливого. – Да, отряд может убить генерала вермахта, да хоть Гитлера, – в толпе зашумели, – и перестать существовать. Перестать пускать под откос поезда, убивать врага здесь, в

тылу, уничтожая его и нарушая снабжение там, – я вновь указал на линию фронта, за которой, по моему замыслу, стояла наша армия. – Что там, за линией фронта важнее, каждый лишний снаряд, который фашисты привезут на передовую, каждая сотня солдат, пришедшая в помощь своим, против наших бойцов, или один убитый генерал, вместо которого через полдня просто назначат нового?

Тишина. Я ожидал чего угодно, но не тишины. И все как прикованные смотрят на землю передо мной. Думают? Хорошо бы.

– Я обрисовал вам простую ситуацию, чтобы наглядно показать и объяснить. Могу и просто на словах сказать. Вы, товарищи, пуская очередной эшелон здесь, спасаете сотни, а может, и тысячи жизней – ТАМ! Бойцы, не убитые от новых снарядов, будут продолжать давить врага на передовой и сделают для страны больше, чем если бы умерли. Так и с вами самими. Вы сделаете гораздо больше, пока живы. Ведь это так.

– Этому учат в немецких школах? – буквально выплюнул мне в лицо комиссар отряда.

– Этому нигде не научат, если мозгов нет, – так же прямо ответил я комиссару. Командир отряда при этом сидел и внимательно смотрел на меня.

– А что, этого щенка немцы учили? – внезапно доносится из толпы.

– Он что, у немцев учился? – подхватывает другой. Гал-

деж поднимается такой, что становится не по себе.

– Тихо! – рявкнул Медведев и тут же вынужден был повторить: – Тихо я сказал, товарищи!

Гул начал стихать, а я поймал взгляд командира отряда. Недобрый взгляд. Рубль за сто, мне устроят хорошую взбучку. Да уж, выдал. Опять разошелся, забыв, что я вроде как мальчишка.

– Митинг закончен, прошу всех разойтись по своим местам и заняться делом. Ну же, товарищи, расходитесь! – а подойдя ко мне вплотную, тихо объявил: – Отойдем.

Отошли. Вдвоем, даже комиссара не позвал Медведев, что же он мне хочет сказать? Или вообще пристрелит сейчас? Я читал о нем, в будущем, расстреливали в отряде легко и за меньшие проступки, а тут я публично оскорбил комиссара отряда. Но он сам виноват, зачем он выставил меня каким-то немецким выкормышем?

– Зачем ты это сказал? – начал командир, кулаки у него были сжаты, а скулы двигались, едва ли не скрипели. – Ты понимаешь, что ты сейчас сделал?

– Понимаю, – спокойно ответил я, – объяснил людям, зачем они здесь. Судя по их реакции на доклад комиссара, они всецело поддерживают вашу стратегию о самопожертвовании. Называют трусом того, кто не готов так сделать. И это неправильно. На мой взгляд, выбор очевиден. Ты один, во круг враги, ты можешь убить лишь одного врага, при этом сам погибнешь. Но если не убьешь, то тебя не раскроют, ты

сможешь через день-два уничтожить эшелон с врагами, по-моему, повторюсь, решение одно.

– Ты убиваешь у людей веру в то дело, каким они тут заняты. Подрываешь авторитет партии...

– Товарищ Медведев, а вам не кажется, что все как раз наоборот?

– Ты не должен был озвучивать свои домыслы! – отрезал партизан. Ага, значит, дошло.

– Это не домыслы, и вы это понимаете. Это здравый смысл. Больше или меньше принесет пользы отряд, будучи живым? И если позволите, я завтра же вам докажу это.

– Что?

– Есть поблизости бульбаши? – решил я озвучить свою мысль.

– Да их тут...

– Отлично, – качнул я головой, – дайте мне небольшой отряд, и мы завтра же уничтожим ближайший отряд врага.

– Что значит дайте? Как я могу тебе кого-то дать?

– Очень просто. Разрешите мне предложить бойцам дело и доказать право на командование ими, увидите, что выйдет.

– У нас есть основная задача...

– Знаю, разведка, – это действительно было так, – однако наша атака на расположение отряда врагов советской власти этому не помешает. А говоря мне о задаче отряда, вы еще раз подтверждаете мои доводы о разумном подходе в проведении акций. Ведь вам не случайно поставлена именно та-

кая задача, правильно? Если вы начнете отстреливать всех и каждого, от вашего отряда ничего не останется уже через неделю. Но тут я сам прошу у вас разрешение на проведение акции против бульбашей. Противоречу сам себе, но настаиваю, ибо меня тут в трусости обвиняют и чуть ли не в предательстве.

– Я против, будут потери, мы раскроем местонахождение отряда...

– Вы правда думаете, что бульбаши этого не знают? Я вам отвечу, почему отряд все еще не уничтожен. Немцы не хотят растрачивать свои силы на вас, полагаясь на украинских нацистов, а те просто боятся. Если бы вы занимались здесь непрерывными диверсиями, на вас давно уже бросили бы батальон егерей, и дело было бы сделано.

– Немцы не раз устраивали на нас облавы, но ничего у них не получалось, – с важностью в голосе заявил Медведев.

– Повторяю, им просто не до вас. Выследить отряд, по цепочке осведомителей, неделя, затем тихое окружение и атака. Я в одиночку могу разработать план уничтожения хоть целого батальона бульбашей, занимающих какое-либо село или деревню, притом потери сведу к минимуму.

– Слушай, ты немецкую школу для детей диверсантов окончил или генштаб? – даже улыбнулся Медведев.

– На самом деле, разница небольшая. Видя, как воюют многие генералы, у меня не раз возникало чувство, что они даже обычную школу не окончили, – все так же уверенно от-

вечал я.

– Ты должен извиниться перед товарищем...

Я вновь нагло оборвал командира:

– За то, что меня теперь в отряде ненавидят? Пусть он сам теперь объясняет людям, что я не враг, а вот затем я извинюсь, даже с удовольствием, – теперь улыбнулся и я.

– Хорошо, я подумаю над твоим предложением. Если мы сочтем, что такая выходка неуместна, значит, ничего не будет.

– Я не предлагаю просто отдать мне людей и уйти в неизвестность. Я составлю вам подробный план действий, оцените его, хоть с Москвой согласовывайте, но я говорю дело. Мне вполне это по силам. Вспомните, именно моя группа уничтожила Коха.

– И вся погибла! А теперь ты утверждаешь, что в новом твоём деле потери будут маленькими?

– Я теперь вообще сомневаюсь, что была необходимость убирать гауляйтера. Сука он знатная, пробы ставить негде, но мои люди для меня, да и для страны, важнее. Этих девочек и мальчишек мы долго готовили, все они прекрасно говорили на языке врага, во вражеском тылу, останься они в живых, пользы было бы больше. Гораздо больше.

– Ладно, позже поговорим. Сейчас надо придумать, как объяснить бойцам слова комиссара.

– Да ничего придумывать не нужно, скажите правду. Нормальные люди – поймут, а если нет, то пускай просто убьют

меня, да и все.

– Ага, убьют, из Москвы тебе орден прислали, мы ведь даже наградить не успели...

– Простите, Дмитрий Николаевич, хотели бы, наградили. Но у нас в армии так принято, что надо много болтать, – видя, что он сейчас опять заведется, я поспешил добавить: – Митинг дело хорошее, но надо знать меру, не нужно агитировать людей на то, на что сами не хотите их посылать. Я понимаю, вас так учили, партийная работа строится на постоянной связи с массами, если в камин не кидать дрова, он погаснет. Но есть и другие способы держать людей в тонусе. Поверьте.

– Если б был постарше, назначил бы тебя комсоргом.

– На фиг, – отмахнулся я, – я ж ребенок, и я беспартийный.

– А вот тут ты хрен угадал, парниша, – Медведев широко улыбнулся, – вместе со званием старшего сержанта и орденом Красной Звезды, тебе присвоили статус кандидата в члены партии.

– Не было у бабки заботы, завела порося... – закатил я глаза к небу.

– Ты хочешь сказать, что против? – насупился командир.

– Нет, не хочу, – покачал я головой, – партия сказала надо, я ответил: «Есть!»

Что сказать, коммунисты, а здесь они еще и такие рьяные,

умеют говорить. Командир уже через четверть часа повернул все так, что ко мне начали подходить и жать руки, а не ко-со смотреть, как совсем недавно. Провели официальное награждение, перед строем. Было даже приятно. Но орден не отдали, сказали, что держать его у командира отряда будет надежнее. И все-таки меня немного уколол тот факт, что Анне «Знамя», а мне лишь «Звезду». Да, Коха работала именно она, но без меня они вообще бы не смогли ничего сделать. Не зря я поставил тогда условие, что буду командовать группой лично, как в воду глядел. А теперь обижаюсь из-за ордена? Да нет, конечно, правильно все. Главное в награждении, что в меня поверили, это важнее.

Через неделю Медведев вызвал к себе. Мне порядком надоело за это время доказывать бойцам отряда, что я такой же, как они. Не в плане надежности, а в том, что я тоже боец. Пришлось уложить на лопатки пару особо упертых, а одному показать, как немцы учат работать с ножом. Впечатлений у всех было... Помню, весь лагерь собрался, это тут местный мастер ножа решил меня проверить. Ну я и «проверился». Дрались на «деревяшках», я за первые три секунды нанес ему три удара и два пореза. Просто провел привычную серию, выпад, на возврате режущий, вновь выпад сразу в два укола и вновь на возврате режущий. Сказать, что «мастер» охренел, не сказать вообще ничего. Он так расстроился проигрышу, что пришлось ему подыграть, и я объявил, что просто рост и молодость позволили мне так прыгать вокруг бой-

ца. Вроде никто над ним не смеялся, так что разошлись мирно.

– Что-то случилось, Дмитрий Николаевич? – спросил я, как вошел в палатку.

– Да, похоже на то, – кивнул командир отряда. – У нас не вернулись с дозора два бойца, находились тут, – он ткнул в карту, разложенную на столе. – Видишь хутор? Вот тут, у нас был «маяк», не на хуторе, как видишь, в лесу. На таких тяжелее всего, но хутор занят националистами, выбора не было. «Маяк» вел наблюдение, и ребята, пришедшие на смену, сегодня ночью обнаружили пропажу бойцов. Остаться было нельзя, немедленно вернулись и доложили. Мы думаем, что необходимо войти на хутор и выяснить, что случилось с нашими товарищами. Как ты понимаешь, просто так нам это сделать не дадут. По последним сведениям, бульбашей там было немного, но кто знает, что там теперь. Давай, покажи, чему научился за два года, есть соображения?

– Соображение пока лишь одно, – начал я медленно, разглядывая карту. По ней выходило, что от указанного мне хутора до ближайшего населенного пункта с немцами около двадцати километров, ближе только деревни, в количестве трех штук. До каждой из них, не менее пяти-шести километров, в двух из трех точно находятся укронацисты. – Нужно идти и посмотреть на месте.

– Я о парнях.

– Скорее всего, в плену. Самое хреновое тут в другом. Те

ребята, что обнаружили пропажу «маяка», хвост не привели?

– Ты думаешь, что их могли специально пропустить к засидке, а затем проследить до отряда?

– Ну да, я бы так и сделал. Даже не важно, рассказали что-либо пленные или нет, понятно же, что их все равно придут менять, это ж пост, а не лагерь. Значит, делаем вывод, что надо шевелиться.

– Сейчас вызову бойцов смены, нужно узнать у них, как шли.

– Думаете, это важно для тех, кто хотел отследить?

– Если ребята спешили в отряд, это плохо, а вот если возвращались так, как положено...

– Понял, умолкаю, – смекнул я. Не ходят прямым путем партизаны, молодцы.

После опроса бойцов выяснилось, что шли они по всем правилам маскировки. Круглым путем, часто рвали темп и разбегались в стороны, в надежде спровоцировать возможных преследователей, они не обнаружили никого. Что ж, а парни-то, оказывается, прочитали всю ситуацию точно так же, как и я. Молодцы, однако. Хотя дурные партизаны долго не живут, а тут отряд имеет очень низкие потери.

– И? – после ухода бойцов из палатки Медведев возобновил разговор.

– Нужно идти и смотреть, – упрямо стоял на своем я. – Разрешите мне?

– Одному?

– Почему одному? – удивился я.

– Захар, извини, но я не могу дать тебе людей в подчинение. Все знают, что у тебя есть опыт, звание и заслуги, но тебе двенадцать лет!

– Ясно. Опять дискриминация. А то, что я положу почти любого из отряда быстрее, чем он меня схватит, не показатель?

Тут реально не было особо подготовленных бойцов. Как в плане рукопашки, так и ножевого. Стрелять умеют? Ха! Так я тоже умею. Я тут вообще за то время, что нахожусь в отряде, отметил для себя, что захоти я уничтожить отряд партизан, в одиночку смог бы убрать минимум четверть состава. То есть, приди сюда подготовленные егеря, и амба отряду. Конечно, сопротивляться тут станут все, но! Внезапное нападение это внезапное нападение, ничего ты ему не противопоставишь. Тут, в лагере, и женщины, и дети, стариков множество, это жители деревень, ушедшие в леса и прибившиеся к отряду. Начни стрелять, суета такая начнется, до организованного сопротивления можно много бед наделать. Я уже докладывал Медведеву о своих мыслях. Он немного остудил мой пыл, рассказав о секретах вокруг лагеря, дескать, незаметно пройти вряд ли получится. Но он-то рассчитывал исходя из мыслей об атаке большим отрядом. А я думал несколько о другом. Егеря свободно могут рассредоточиться и зайти с разных направлений, все, никто их не

увидит и помешать не сможет.

– Ладно, обдумаем сейчас. Выйди пока.

– Для осмотра хватит и двух человек. Меня и Анны. Разрешите выполнить задание?

– Я сказал, все обсудим и скажу. Иди.

А через час нам дали добро. Вооружаться не стали, вдруг попадемся, зачем нам такие проблемы? Мы – брат с сестрой, скрываемся от партизан, которые убили нашу семью. Я говорю на белорусском суржике, Анна, к сожалению, нет, но знает польский, а это тоже плюс.

Вышли вечером, через десять минут прошли мимо нашего секрета, еле удержался, чтобы не высказать все, что думаю о дисциплине. Два бойца, один из которых натуральный старик, сидят себе, даже по сторонам не смотрят. На мое «здравствуйте» отреагировали вяло, хоть и подняли винтовки, но настолько медленно и отрешенно, что стало страшно за лагерь. Прошли мы быстро, перекинулись лишь паролем и, услышав отзыв, поспешили дальше. Наш путь лежал к ближайшей деревне, националисты бывали в ней наскоком, не занимали, так, будоражили крестьян, да и сваливали. Нам предстояло пройти восемь километров, но уже через пятьсот метров я остановился.

– Присядь, – тихо попросил я Анну.

– Ты чего? – уставилась она на меня, но приказ выполнила.

– Сиди тут, что бы ни услышала. Поняла? – Девушка кив-

нула. – Если не вернусь через полчаса, дуй в отряд и сообщи, что здесь вражеский секрет.

– Где? – начала озираться девушка.

– Сам пока не знаю, но табаком пахнет, не чуешь? – поволил я носом.

– Думала, показалось, – призналась девушка. – Лес же, откуда здесь табак?

– Вот именно, деревья – не курят. Жди.

Я спокойным шагом направился прямо, куда и шли до этого. Держа в поле зрения небольшой пригорок справа, через сотню метров заметил движение. Двое. Ладно, прикинемся дурнем.

– Стой. – Блин, украинский суржик, смешной и неприятный для меня, но тут повсюду слышится именно он, и у бандитов, и у партизан.

– Стою, – ответил я на белорусском, они немного похожи.

– Кто таков? – из-за толстого дерева показалась небритая рожа мужика лет сорока.

– Егор я, – просто ответил я, уставившись на мужика, тот направил на меня винтовку. С питанием у бульбашей явно лучше, чем у партизан, хотя снабжение у Медведева хорошее. Мужик был плотным, не толстым, а именно плотным, не испытывал он нужды в еде, не знает, что это такое.

– И откуда ты тут взялся, Егор?

– Да прячусь я, брожу, ищу, где пожрать утащить, мамку как убили, так и прячусь.

– Где убили? – Глаза у мужика сузились, пальнуть он вряд ли сможет, они ж тут явно в секрете сидят. Проверяет гад, ну, деревень мне Медведев на карте много указал, пустых.

– В Ботквевичах, – отвечаю, держа при этом спокойствие.

– Кто мамку-то убил?

– Партизаны, наверное, хрен их знает, кто они такие, едва убежать успел.

– Их здесь видел? – Снова проверка, наверняка они секрет наш срисовали давно, рядом же совсем.

– Да, видел, недалеко двое сидели, – киваю.

– Этих и мы видели, кого еще?

– Слышал шум неподалеку, видеть, не видел.

– Пойдешь с нами, проверить надо, откуда ты такой тут взялся.

– Да как скажете, – кивнул я, – дайте только сожрать чего-нибудь, а то не дойду.

Мужик чуть подумал, кинул взгляд в сторону, явно ища глазами товарища. Наконец, винтовка опустилась, а мужик снял со спины мешок и развязал лямки.

– Хлеба только дам, краюху, съели уже все. Иди сюда!

Я подошел ближе и увидел, наконец, второго. Этот был старше и еще толще. Борода приличная, на купца с плакатов из будущего похож.

Первый бандеровец, ну а кто он еще, вон, «тризуб» на кепке виднеется, достал половину каравайя черного хлеба, из-за голенища выдернул нож, хороший такой нож, и отрезал мне

кусок.

– Держи, – протянул он мне хлеб, нож при этом держа в этой же руке, словно понял, что мне надо.

Что ж, пора начинать. Легко захватываю запястье, мужик пытается отдернуть руку и тем самым дарит мне нож, ладонь-то выкручена. Одним резким движением насаживаю его брюхо на лезвие, отличный тесак, сантиметров пятнадцать-шестнадцать стали вошли как по маслу. Бандеровец хватает ртом воздух, второй хватает винтовку, уже лежавшую на ногах, но выдернув нож из живота первого, я прыжком оказываюсь возле него, сидит-то он в двух метрах от меня. Почуввав теплое от крови товарища лезвие у своего горла, руки бандита опускаются.

– Т-ты чего, лишенец! – пытается все же произнести он, но я приказываю ему жестом молчать. Вот же сука бандитская, русский сразу вспомнил.

– Дернись и туда же «уйдешь», кивни, если понял, – тот быстро кивнул. – Сколько вас тут? Соврешь, отрежу уши! Не смотри на возраст, даже моргнуть не успеешь! – Выражение моего лица сейчас самое серьезное, какое вообще можно сделать в таком возрасте. Хотя это я так думаю, не вижу же себя со стороны. Но видел реакцию на него уже не раз, люди начинали нервничать, когда я строил такую мину.

– Двое, – злобно, выдавливая из себя слова, начал отвечать бандит.

– Партизан срисовали?

– Секрет да, нашли, дальше не ходили, много ли вдвоем навоюешь?! – говорит легко, причем, гад, все так же на русском.

– К своим гонца отправили?

– Да, утром.

– Ложись на живот, медленно, – продолжаю держать нож у горла, но понимаю, что, если дернется, придется отпрыгивать, ибо по силе не справлюсь.

И этот гад именно так и поступает. Переваливаясь на левый бок, взмахивает рукой, задевает мне по лицу, серьезно так, аж встряхнул там что-то. Я в ответ лишь полоснул по шее лезвием ножа, отлетая в сторону. Кувырнувшись несколько раз, прячусь за деревом, хреново вышло. Шагов не слышу, это радует, чего он там делает, целится? Медленно, прижимаясь к земле и одновременно растирая щеку, куда прилетела тыльная сторона ладони бандита, обхожу кругом место побоища. Замечаю бугорок и взбираюсь на него. Ага, лежит гад, причем без винтовки, вон она, рядом, куда он ее и кинул. Чего, готов, что ли? Вроде я слегка его задел, лишь полоснул. Но, так или иначе, а нужно проверить. Подняв сломанный сучок, прицельно кидаю его в бандита, попал. Но реакции – ноль.

– Анна, давай сюда, – кричу я, не сводя глаз с бандита, – тот продолжает лежать тихой мышкой. Слышу треск сучков, блин, куда она так ломится?

– Что случилось? Ух, ты как? – девушка, взглянув на ме-

ня, ошарашенно отпрянула.

– Хреново, удар пропустил, – фыркаю я. – Пойдем вместе, подстрахуешь.

– Они что, мертвые? – девушка, кажется, только сейчас поняла. – Как ты смог с двумя мужиками справиться?

– Да хреново, если честно, видишь, какую плюху получил? Надо было не допрашивать, а сразу валить, был бы цел сейчас, а так башка трещит, – выругался я. Голова и правда сильно болела.

Второй бандит, так удачно заехавший мне в лицо, на самом деле умер. Я думал, что лишь задел его лезвием, но оказалось, рана на шее была очень глубокой. Крови под ним натекло столько, что даже в землю пока не впиталась. Обыскали обоих, забрали оружие и документы.

– Ань, давай в отряд, расскажешь все полковнику, спросишь, что с этими делать. Я возьму одну винтовку, сяду вон на том пригорке, мало ли, вдруг кто-то еще придет. Но думаю, теперь надо ждать целую группу.

– Почему?

– Раз гонца послали, явно вернется не один, пошлют отряд. Беги давай, возле секрета не останавливайся, не теряй время.

Я засел в том же месте, где еще недавно сидели два бульбаша, наблюдая окрестности и следя за партизанами. Место было выбрано очень удачно, в обе стороны просмотр отличный, на бугре росла пара сосен, молодых еще, они укрывали

от мимолетного взгляда, и это хорошо. Хорошо бы партизаны успели подойти, а то мне одному тут кисло будет. Сколько я смогу положить из винтовки? Ну, пускай двоих или даже троих, что вряд ли. В низине густой подлесок, да и деревья стоят частоколом, спрятаться и, укрываясь, подойти ко мне близко очень легко.

Через час примерно я уже начал волноваться, болели голова и челюсть. Какой же этот хрен сильный оказался, вроде лишь отмахнулся от меня, но как, блин, сильно-то получилось. Вглядываюсь в пространство вокруг себя до рези в глазах, вроде тихо, а все равно как-то стремно. Наконец, позади, со стороны лагеря, появился легкий шум, по ощущениям, шел один-два человека, странно, думал, больше будет.

– Вот это распронихренажсебе! – аж вслух произнес я, когда рядом со мной оказался целый взвод партизан.

Люди смотрели на меня, а я на них. Молодые парни и мужики среднего возраста оглядывали меня и переводили взгляд на лежавшие поблизости трупы.

– Хорошо повеселился... – произнес старший из их группы, оказавшийся самим полковником Медведевым.

– Самую малость, – уклончиво ответил я, здороваясь, хотя не так и давно виделись.

– Без этого было никак?

– Если б к ним не пошел, они бы не вышли. Сидели в засидке, одного услали в отряд. Наверное, надо поменять наш секрет и перенести его, об этом уже известно.

– Уже сделали, не думай, что тут только ты понимаешь, – вякнул кто-то из партизан.

– Не думаю, – покачал я головой, – уверен. Заминировать догадались? – усмехаюсь.

– Чего заминировать? – не понял борзый партизан.

– Место бывшего секрета, чего ж еще-то? Оставить подарок бандитам.

– Дело старший сержант говорит, – вступил в нашу перепалку Медведев, – Лукьянчук. Сделай там все красиво.

– Понял, тащ полковник, – козырнул рослый светловолосый партизан.

– Ты дальше пойдешь?

– Так не дошли же? – удивился я.

– Помощь нужна? Я бы и так послал, да решил предупредить.

– Ладно, пусть идут, но хотя бы в километре. Эти суки умные, срисуют отряд, будет больно.

– Хорошо. Москаленко?

– Я, товарищ командир.

– Все слышал? Идешь с группой через двадцать минут после нашей парочки.

– Я влево заберу, там ведь дорога? – вставил я пять копеек.

– Да, думаешь, гости будут?

– Уверен.

– И скорее всего, их будет отряд, – многозначительно про-

говорил Медведев. – Ладно. Иващук, возвращаемся, нужно выдвигать второй взвод сюда, парней из секрета не хватит, только зря погибнут. Похоже, нас выследили. Нужны пленные, нам необходимо точно знать, что выяснили о нас бульбаши. Ладно если придут только они, а если немцы? Придется снимать лагерь.

– Ведите подкрепление, если я успею и перехвачу их, мало ли, вдруг получится, выведу их на вас.

– Устроим засаду прямо тут. Захар, ты сильно рискуешь, – произнес Медведев.

– А что делать, ждать, когда эти гады сами придут?

– Ладно, удачи вам.

Мы с Анной пошли дальше, правда пришлось подставить свою рожу под нежные руки девушки. Она смочила из фляжки, взятой у партизан, тряпочку и протерла мне лицо. Во время процесса почувствовал неприятные ощущения во рту.

– Этот гад мне зуб сломал, похоже, – потрогал языком я больное место и обнаружил качающийся зуб. Зуб маленький, по ощущениям наверняка молочный. – У тебя нет чистой тряпки?

– Сейчас оторву от нижней сорочки, – сказала Анна, задирая кофту.

– Не надо, не порти вещь, у себя оторву, – остановил ее я. Вытянув майку, дернул и оторвал небольшую полоску ткани, чистая вроде, нас хорошо обстирали в лагере партизан.

Усевшись под ближайшим деревом, открыл рот и, поло-

жив тряпочку на зубы, нащупал из них тот, что качался.

– Чего, рвать будешь? – удивилась девушка.

– Надо, а то покоя не даст, – кивнул я. Медленно раскачивая больной зуб, черт, болит он и правда уже сильнее, одновременно потягивал его. В один момент набрал воздуха в грудь и дернул сильнее. Есть. На ладони появился небольшой зубик, молочный, не ошибся, у меня такие уже выпадали, осталось их мало, почти все поменялись уже. В голове немного стрельнуло, на уже имеющуюся боль это наложилось не очень заметно, но взвизг пришлось.

– Как ты? – с опаской спросила Анна.

– Переживу, – отмахнулся я. – Ты фляжку-то не отдала партизанам?

– Нет, вот она, – девушка протянула мне емкость с водой.

Несколько раз прополоскав рот, кровь еще шла, но слабо, я закончил эти издевательства над собой. Нужно идти, мало ли, вдруг бандиты уже на подходе.

Идти было далеко, километра три-четыре, да по такому лесу, что ноги сбивались. Обут я был в поношенные ботинки, ноги на мху промокли быстро, стало неудобно. Девушка выглядела не лучше меня, тоже ведь шла не в военной форме и сапогах, а, блин, даже назвать это не знаю, как правильно, опорки какие-то.

– Анют, думаю, надо где-то на пригорке залечь, чтобы дорогу видно было, отсюда самый короткий путь к лагерю. Вряд ли эти ублюдки совсем по памяти ходят, тут и мест-

ный-то заблудится, наверняка карта есть и у них.

– Смотри, вон елка хорошая, под ней лечь, и никто не разглядит, а сами далеко вперед все видеть станем, – девушка указала мне на растущие ели на возвышенности, метрах в ста от проселочной дороги.

Я согласился с ней. Расположились мы и правда удачно. Оборвав нижние ветки на ближайшей такой же елочке, застелили себе ложе и, развалившись, устроились для наблюдения. Почти стемнело к этому моменту, поэтому клонило спать.

– Ты как? – спросил я девушку.

Она сняла обувь, и я разглядел на ее красивых узких ступнях мозоли.

– Устала, – честно ответила девушка.

– Ложись отдыхать, разбуду под утро, тогда и сам отдохну.

– Ты же сам устал, – возмутилась Анна.

– Другие варианты? – усмехнулся я. – Давай я тебе ноги разомну, легче станет.

Я, осторожно водя ладонями, растирал девушке ступни, я сам их учил этому, когда еще была цела вся группа, это помогало быстрее отдохнуть. В этот раз все пошло как-то не так. На девушке была длинная юбка и рейтузы, но в какой-то момент я поймал себя на мысли, что разминаю уже ее икры. Черт, так бы и выше колен дошел, чего-то меня перемкнуло, девчонка-то хорошенькая, видимо, увлекся я. А возможно, мне как раз это и требовалось.

– Захар, а у тебя девушки уже были? – вдруг подала голос Аня. Думал, она спит давно, вроде сопела уже.

– Нет пока, в Сталинграде я, кажется, полюбил одну девочку, но вот узнал, что она погибла, – тихо произнес я, вернувшись к ступням.

– Но у тебя с ней было что-нибудь?

– Нет, Ань, тело-то у меня совсем молодое, как видишь, – ответил я.

– У меня тоже никого не было, а попробовать хочется, – вдруг произнесла девушка и обвила мою шею руками. Вот так, блин, и заporеш задание. А главное, отстраняться мне совсем не хотелось. – Поцелуй меня, пожалуйста, ты ведь умеешь?

– Ань, ты уверена? – Не то чтобы я был против, просто, блин, возраст-то какой у меня! Но я уже заметил, что она целиком поверила в мой рассказ и относится ко мне не как к мальчику, это даже во взгляде видно.

– Да, – девушка закрыла глаза и приготовилась, потянув голову мне навстречу.

Я поцеловал ее. Затем еще раз, и через несколько секунд осознал, что уже не могу оторваться. Она еще ничего не умеет, губы твердые, напряженные, нет в них мягкости и податливости, язык вообще не задействован. Чуть было не рассмеялся, вот был бы номер, да? Но взяв все в свои руки, решил все же дать себе небольшой отрыв, уж больно хороша деваха, да и мне давно хочется, останавливал только размер моего

«дружка», который, кстати, давно уже напрягся всерьез. Но до этого все равно не дойдет.

– Как хорошо! – прервавшись на секунду, девушка открыла глаза и взглянула в мои. Глаза ее заволочла пелена, взгляд масляный такой и похотливый, что ли. – У меня внутри все горит! Так и должно быть?

Да, она старше меня, но она еще девчонка, ничего такого не испытывала в жизни, а я прожил в прежней жизни сорок лет, разница есть, как ни крути.

– Наверное, – уклончиво ответил я.

– Когда ты мне ноги гладил, у меня в животе пожар начался, да и там... – Аня провела рукой по своему телу и остановила ладонь внизу живота, – что-то необыкновенное.

– Ань, не стоит продолжать, а то зайдем далеко, – начал было я, но девушка вцепилась в меня как клещ, и я осознал, что все, сейчас что-то произойдет.

– Может, я погибну завтра, покажи мне, как это должно быть у мужа с женой, – она смотрела мне в глаза, и я как провалился.

Один раз, после бани в тренировочном лагере под Москвой, я видел девчонок раздетыми, но это было мельком и без подробностей, а тут на меня все же накатило, и я воспылал. Терзала на краю сознания одна подлая трусливая мыслишка: как бы не опозориться, но я задвинул ее в дальний угол. Признаться, по правде, я сам уже был давно на пике, но думаю, что закончится все гораздо раньше, чем могло бы.

– Наслаждайся, – тихо произнес я и принялся медленно раздевать девушку, одновременно целуя в губы, шею, переходя на грудь. Размеры и у нее пока не впечатляли, первый, скорее всего, но грудки так заодно торчали и приятно ложились в ладони, что я совсем потерял голову. Хватило ума все же взглянуть по сторонам и понять, что даже специально нас никто здесь не разглядит, да и темно уже.

Два прекрасных полушария, под воздействием моих рук стали каменными, по телу девушки то и дело пробегали судороги, а у себя в штанах я вдруг осознал влагу. Да, так и происходит в этом возрасте. Тело не испытывало такого никогда, вот и реакция. Надеюсь, что и дальше все пойдет, как и должно, «дружок» продолжал оставаться в «рабочем» состоянии, и это придавало сил.

Осторожно стянув с Анны рейтузы, мне вдруг захотелось сделать так, чтобы ей стало так хорошо, как никогда не было и вряд ли будет. В этом времени все проще происходит, ну, это я так думаю, поэтому мои губы и язык начали медленно подниматься от ее ступней вверх. Мягко нажимая, я разводил ее красивые белые ноги в стороны, пока мои губы не уткнулись в мягкий пушок. Как же она стонала... Да и моя реакция была неоднозначной, я чувствовал, что даже не задействуя «друга», дошел до «пика» как минимум два раза, так бывает, повторюсь, детский организм, течет непроизвольно. Оставалось гадать, что ж будет, когда дойдет до главного.

– Господи, как же мне хорошо! – выдохнула Аня. – Возьми меня, возьми как муж, пожалуйста! – прошептала она.

И дальше я помню мало, все происходило как в тумане. Я разделся в одно мгновение и, удивился, увидев размеры своего «друга», видимо, до этого момента такого эмоционального напряжения у меня еще не было, поэтому и думал, что там еще все маленькое. Тут же, находясь на девушке, я понял, что все должно получиться как надо. Нет, не было никаких диких криков от боли и наслаждения, был громкий стон девушки и мой собственный. Войдя в нее, я ощутил пламя, охватившее меня со всех сторон, и потерял голову. Даже не помню, «падал» ли мой «дружок» после каждого раза, когда тело пронзали судороги удовольствия, или нет.

Естественно, мы оба уснули, разом, без сил. Счастливые и довольные, обнявшись, нам не хотелось отрываться друг от друга. Проснулись затемно, точнее, я проснулся. Хотелось в туалет, да и мозги, наконец, начали работать. Нужно было где-то умыться и подмыться. Следы ночных забав, да и девушка еще девственницей была, нужно убрать. Спустился с холма, обошел ближайшие деревья, сделал свои дела, но воды поблизости не оказалось, хреново.

– Захар, скорее, они едут! – услышал я, вернувшись на холм. Черт, как же не вовремя...

Девушка была полностью одета, волосы убраны под платок, лицо ясное и довольное, хоть и выражало сейчас тревогу. Я вгляделся в указанном мне Анной направлении и пере-

считал бандитов. Четыре телеги, на каждой по шесть-восемь бойцов, плюс пешком идут, под полсотни рыл в итоге.

– Давай к лагерю, бегом, точно опередишь их, нужно сообщить командиру количество врагов и вооружение. Я задержу их, а потом выведу прямо под стволы, пусть готовятся там же, где был прошлый наш секрет. Поняла? – спрашиваю, а взглянув на девушку, понимаю, что та хочет что-то сказать. – Аня?

– Я дорогу не запомнила, лес же...

– Это плохо, – начал нервничать я, – это зверье может позариться на тебя, а оружия у меня нет, при всей моей выучке, пятьдесят мужиков с тремя пулеметами мне не одолеть. Давай так, заходишь в лес вон там, где вышли, видишь? – Девушка кивнула. – И бегом параллельно дороге, я их вглубь поведу, значит, тебе ничто не угрожает. Отбеги на километр, даже можешь на полтора и залезь под какую-нибудь елку. Когда все кончится, я приду за тобой, поняла?

– Я буду одна?

– Бегом! – не выдержал я.

Девушка насупилась, но выполнила приказ. Смотря ей вслед, вспоминал ночь. Что это было? До сегодняшнего дня я вполне легко справлялся с гормонами, по большому счету и не думал о чем-то таком. Что же случилось сегодня? Или она та, что и сняла с меня блок? Но я же еще ребенок вроде, правда, сам был удивлен размерами «друга» в штанах в полной боеготовности. Тряхнув головой, скидывая наважде-

ние, вернулся к наблюдению. Так, надо переключать мозги на войну, а расслабленность сменить на готовность.

Я не стал выходить к бандитам, а просто дождался их, сидя на пути, в кустах. Опасение, что от неожиданности застрелят, была, но я не сидел тихой мышкой, шевелился тихонько. Первым меня обнаружил мордатый, низкого роста бандеровец в черной форме полицаю. Он впал в минутный ступор, когда разглядел меня в кустах, но вскоре заорал своим товарищам.

– Кто таков? – был дежурный вопрос, когда меня обступили бандиты. Спрашивал серьезного вида, увешанный оружием мужчина высокого роста и, на удивление, с приятным лицом. Бульбаши обступили кучно, а я сидел, растирал лицо руками и трясся от страха. Ну, надо же как-то убедить их не трогать меня.

– Михась, – ответил я на русском, шмыгнув носом, провел заодно и кулаком, якобы вытирая сопли. Странно, спросили именно на русском.

– И чего ты тут делаешь, Михась-карась? – усмехнулся бандеровец.

– А где здесь, дяденька? Я тут бегаю, прячусь, уже не знаю, где я вообще. Мамку убили, меня постоянно бьют...

– А кто тебя бил? – чуть прищурив глаза, наклонился ко мне мужик.

– Партизаны, кто ж еще?! – даже возмутился я. – У вас вон какие значки, – я указал на его кепку, точнее на «тризуб», –

а у них звезды красные.

– Где ты их видел последний раз?

– Да где-то в лесу, недалеко вроде. Я ногу подвернул, а то бы дальше убег, – показал я на ногу.

– Что же они с тобой сделали? Ты ж малец, а не солдат?

– Такие же, как они, недавно и мамку убили, а меня маленьким фашистом назвали и в ухо! Вон, зуб выбили, – я разжал кулак и показал заранее приготовленный зуб, хорошо, что решил тогда не выбрасывать его.

– Экие они злые, мальца и в ухо?! – продолжая явно играть, произнес бандеровец. – Есть хочешь?

– Да, дяденька, давно ничего не ел, дайте хоть корку хлеба...

– Дмитро, дай пацану чего-нибудь, – обернулся к кому-то вожак бандитов, а затем вновь ко мне: – Сможешь найти место, где встречал партизан?

– Темно было, это в лесу... – я сделал вид, что задумался, – наверное, смогу.

– Хорошо.

– Держи, пацан, – мне протянули большой бутерброд с салом и луковицу, я аж охренел от его веса.

– Спасибо, дяденьки, век на вас молиться стану, – упал я на ноги вожаку, зажимая бутерброд в руках.

– Ладно-ладно, только есть будешь на ходу, нам некогда. Еще партизан этих найти надо!

– Я постараюсь, помогу! – часто-часто закивал я.

Выдвинулись сразу, я старательно делал вид, что идти быстрее мне мешает больная нога, хромал и охал, жуя на ходу хлеб с салом. Эх и ядреное оно, чеснока не пожалели. На меня сначала просто глядели, потом начали подгонять. Я взмолился, жаловался, что не могу быстрее. Вожак бандитов подозвал к себе какого-то мужика из отряда, что-то быстро ему сказал, и тот устремился ко мне. Я уже было подумал, что будут бить, но мужик, с густыми усами и бородой, наклонился ко мне и попросил задрать штанину. Я осторожно выполнил приказ, мужик посмотрел на ногу и, указывая на ступню, спросил:

– Здесь болит?

Я кивнул. Он аккуратно так взял в одну руку ступню, второй обхватил лодыжку и мягко, но сильно дернул. Я даже вскрикнуть не успел, стало больно и из глаз прыснули слезы.

– Скоро заживет.

– Идти-то сможет? – спросил у мужика с бородой вожак шайки.

– Я ему тугую повязку сейчас сделаю, пройдет, опухоли нет, просто подвернул.

Отряд топтался на месте, бородач бинтовал мне ногу, а вожак с еще парой бойцов шайки рассматривал карту. Я лежал тихо, морщился, но старался не привлекать к себе внимания. Да уж, вот же придумал себе травму, а? Этот эскулап, дернув ногу, заставил ту болеть по-настоящему, теперь я точно стану хромать, не придуриваясь.

Вскоре я начал узнавать места, где совсем недавно был с партизанами. Крутя головой по сторонам, привлек к себе внимание.

– Что, узнаешь место? Здесь тебя били? – тут же спросил вожак, шел-то я рядом с ним.

– Похоже, – кивнул я задумчиво, продолжая осматриваться. – Где-то там вроде как, – указал я влево. Там я бандитов и зарезал. Почему веду прямо туда? Во-первых, хочу, чтобы трупы нашли бандеровцы и решили, что их дозор убили партизаны, а во-вторых, там место хорошее, если наши здесь, то в той низине они смогут ударить удачнее всего. Надеюсь, что второй взвод, за которым посылал Медведев, прибыл и ждет, укрывшись.

– Я отсюда к вам и бежал, – на ухо вожаку, но я расслышал, сказал еще один персонаж. – Вон там наша засидка была, а секрет партизан чуть дальше вправо.

– Командир, тут это, наши... мертвые лежат.

Ага, пришли, стало быть. Теперь не попасть бы под «дружественный» огонь.

Бандеровцы поспешили к трупам. Двое начали шмонать карманы, и тут раздались по очереди два взрыва. Кому-то нехило прилетело, крики, ор, стоны, и сквозь весь этот гам я слышу довольно знакомый голос:

– Тикай влево!

И кинув быстрый взгляд на бандитов, увлеченных сейчас своими проблемами, я бросился наутек. Петляя как заяц,

стараясь сбить прицел, слышал шлепки пуль по деревьям в опасной близости от себя, но ни одна не попала в цель. Трудно это, в лесу воевать, столько препятствий, буквально десятков шагов и прямого выстрела уже нет. А сзади разгорелся настоящий бой. Решив, что отбежал достаточно, я остановился и, обернувшись, чуть не поймал приклад в лицо. Оказалось, за мной бежал бандеровец, да так тихо, что я даже не слышал его шагов. Как увернулся, не понимаю.

– Ну, сучонок, хана тебе! – промахнувшийся прикладом бандит перехватил винтовку, как положено, и даже вскинул ее к плечу, но меня на траектории выстрела уже не было.

Подхватив небольшую корягу, сучковатую сосновую ветку, я поднырнул под ствол винтовки и ткнул ей в лицо врага. Тот мгновенно вскинул одну руку к лицу, но второй продолжал удерживать винтовку, не выронил, гад. Но мне было необходимо только отвлечь его. На поясе бандеровца, кстати, очень худого и низкорослого, буквально на полголовы выше меня, висели ножны. А в ножнах был огромный тесак, рукоять которого неудобно легла мне в руку. Нож оказался излишне большим и толстую рукоять пришлось обхватить обеими руками. Дернув что есть силы, высвободил лезвие из ножен и не давая времени бандиту понять хоть что-то, быстро направил острие ему в живот. Острейшая сталь клинка легко вспорола форму националиста и ушла наполовину внутрь тела. Бандит охнул, выпустил наконец винтовку из правой руки и попытался схватить то ли нож, то ли мою руку. Но я не

ждал его ответа, а постарался тут же вытащить нож из раны. Удалось опередить врага буквально на секунду. Тот, прижав одну руку к ране, попытался поймать меня свободной рукой. Полоснув со всей силы по запястью, я заставил его взвыть и упасть на землю. Я же тем временем подхватил его винтовку, наша, «мосинка». Направив ствол на врага, уже давил на тугой спуск, как остановился. Нашим наверняка нужен «язык», а этот хоть и ранен, но думаю, выживет, если помощь оказать. Но надо как-то его скрутить, а рисковать не хочется. В стороне низины, где произошла стычка бандитов с партизанами Медведева, в ход шли гранаты, разорвались уже как минимум четыре за какую-то минуту. Хрен с ним, никуда не денется, надо отбежать еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.